

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МЭРИ ВЛАД

ГРЕШНИК

ДЬЯВОЛЬСКИЕ СЕТИ 5

Мэри Влад Грешник

Серия «Дьявольские сети», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68049085

SelfPub; 2023

Аннотация

История Дерека – это спин-офф серии «Дьявольские сети». Читать только тем, кто уже прочитал предыдущие четыре книги. «Я не чту Омерту, не рвусь наверх, не подлизываюсь к Боссам и Донам. Я презираю всё, что связано с мафией, но тем не менее семью я не предаю никогда. И не подставляю. Не пойду поперёк. Всю жизнь я пытался вырваться. У меня не получилось. И раз уж я варюсь в этом адовом котле, то хотя бы интенсивность кипения буду регулировать сам. Для этого нужно вписываться. Делать вид, что играешь по правилам. Но открою вам секрет: в моём мире нет никаких правил, кроме одного – не предавай своих».

Содержание

Пролог	4
Часть 1	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	73
Глава 8	80
Глава 9	93
Глава 10	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Мэри Влад Грешник

Пролог

– Стоп, стоп, стоп, док. Вы сейчас серьёзно намекаете на то, что у меня плохие мозги?

– Нет, я...

– Некомпетентны?

– Нет, я...

– Хотите озолотиться за мой счёт?

– Нет, я...

– Аферист?

– Да как вы смеете?!

– О, вы сказали «да».

– Послушайте, мистер Савиано. Вы сами ко мне пришли и...

– И я разочарован.

– Мистер Сав...

– Меня это расстраивает, док. Очень расстраивает. А когда я расстраиваюсь, мне хочется убивать.

Он косится на пистолет, затем промокает лоб салфеткой. Интересно, что ещё он скажет. Мне так усиленно советовали этого мозгоправа, только вот, по-моему, это скорее я вправ-

лю ему мозги, а не он мне. Ситуация действительно забавная. Но из нас двоих весело только мне. Доктор сейчас в штаны наложит от испуга. И как же он работает с настоящими психами? С теми, которые опасны для общества.

Не говорю, что я в принципе не опасен. Однако я вполне безобиден, пока мне ничто и никто не угрожает. А доктор не угрожает мне, он меня от души веселит. Значит, опасаться ему нечего. Странно, что такому «великому специалисту» самому не смешно. Неужели он не понимает, что я просто забавляюсь? Кто выдал ему диплом? И почему до сих пор не отобрали лицензию?

– Вы мне и слова сказать не даёте, – он вздыхает и заламывает руки, всё ещё косясь на пистолет. – Я понимаю, вы на взводе, но...

– А вы потеете как свинья. Так и кто из нас на взводе?

– Послушайте, мистер Савиано, – и снова доктор театрально вздыхает. Вот, ей-богу, ему в актёры надо. Такой талант пропадает. – На фоне многочисленных психологических и физических травм у вас развилась форма тяжёлого хронического посттравматического стрессового расстройства. Это повлекло за собой ряд последствий, которые вылились в... эммм... весьма специфические наклонности. Я бы рекомендовал...

– Красиво заливаετε, док. То есть я псих?

– Я такого не говорил. Вам нужна интенсивная терапия и...

– Ну я понял, что вы хотите заработать. Дальше.

– Дело не в деньгах, мистер Савиано.

– Да неужели? Сколько стоит ваше кресло?

– Что, простите?

– Кресло, на котором вы сейчас сидите. Сколько оно стоит?

– Точно не знаю... – он запинается и делает вид, что вспоминает. – Ну, может, около двух тысяч.

– Вот и не надо заливать о высоком, док. Если бы дело действительно было не в деньгах, вы бы сейчас работали в каком-нибудь социальном центре помощи малоимущим или бездомным и протирали бы штаны, сидя на задрипанном стуле, а не на кресле за две штуки баксов.

Доктор встаёт, подходит к окну и запускает руки в карманы брюк.

– Вы правы, – произносит он наконец. – Я люблю деньги. Однако в этом нет ничего постыдного. И я готов помочь вам. Я хочу помочь. Если вы мне доверитесь, мы сможем добиться прогресса.

– Ну и каков план? Как мне избавиться от одержимости принцессой?

– Вы уверены, что хотите именно этого? Судя по тому, что все два часа вы только о ней и говорили, она правда вам нравится. По-настоящему. Разве вам не хочется узнать, что такое нормальные здоровые отношения?

– Здоровые? Нормальные? Вы глухой, док? Отношения –

это не для меня. Я не встречаюсь с женщинами, я трахаю шлюх. Иногда я их душу или луплю плетью, а бывает, что и они меня. Я не грёбанный принц, я чудовище во плоти.

– Парафилию можно вылечить.

– Это что за зверь?

– Расстройство сексуального предпочтения. В данном случае – садомазохизм.

– То есть я ещё и садист? Слушайте, док. Вы, конечно, красиво распинаетесь, но не могли бы вы посоветовать кого-то менее раздражающего. А то ваше испуганное брюзжание так бесит, что хочется вас заткнуть. Не думаю, что мы сработаемся. Вам же самому не хочется вести сеансы под дулом пистолета. Он просто лежит на столе, но всё равно нервирует вас. А меня раздражают нервные люди. Вряд ли вы способны мне помочь.

– Хорошо, я вышлю вам список специалистов, которым доверяю и которые занимаются похожими случаями.

– Отлично. Прощайте, док. Спасибо за попытку.

– Всего хорошего, мистер Савиано.

Зуб даю, док выдыхает с облегчением, едва я выхожу за дверь. Можно сказать, что я зря припёрся сюда. Ну хоть выговорился, и то хорошо. Вот уж не думал, что в свои тридцать два буду смущаться в присутствии какой-то девчонки.

Мне было нечего терять, я ни за кого не цеплялся и думал, что так и останется. Но всё изменилось, когда появилась *она*.

Любого зверя можно приручить. Даже самого страшного

и беспощадного – человека.

Я хотел защитить её, оградить от этой грязи и в первую очередь от себя. Теперь я знаю, что временами, когда пытаешься поступить правильно, в итоге страдают те, кто этого не заслуживает.

Часть 1

«Ад пуст. Все черти здесь»

Уильям Шекспир

Глава 1

Двенадцать лет назад

– За тебя, мой мальчик. Я был чертовски прав: ты моё лучшее творение.

Едва заметно киваю, приподнимаю свой рокс и опрокидываю в себя содержимое. Отвратительное дорогое пойло обжигает глотку, но я даже бровью не веду. Лоренцо научил меня терпеть и не такое. Он пытается прочесть что-то во мне, но не видит ни черта. Лишь маску. Сдержанную улыбку, которую я тренировал перед зеркалом многие-многие годы, и до тошноты идеальный образ, в который я влез и из которого не собираюсь вылезать.

Чёрный костюм, сшитый на заказ, сидит как влитой. Волосы зачёсаны назад. Галстук. Белая рубашка. Начищенные до блеска туфли. Ненавижу белый цвет. Ненавижу этот костюм и гель для волос. Ненавижу эту обувь. Это не я. Лишь защитная броня, в которую я переоделся, когда вышел из больницы. Мне было пятнадцать. Прошло уже пять лет, и я понимаю, что никогда не вылезу из этого панциря.

Не врачи спасли мне жизнь, а ложь.

Как я выжил? Хотелось бы мне знать ответ на этот вопрос. По всем мыслимым и немыслимым законам я должен был уже сгнить в земле.

Не единожды я обводил смерть вокруг пальца. Дама в чёр-

ном отчаянно хотела заполучить мою душу, но каждый раз терпела неудачу. Причина до ужаса банальна: души у меня давно нет.

Я ублюдок, заключивший сделку с дьяволом. Смерти ничего не оставалось, только смириться. Но она не в обиде. Я уже поставил ей достаточное количество душ, а скольких ещё отправлю...

От меня не убежать, не спрятаться. Не поможет смена имени, места жительства, пола, религии – ничего. Если я целюсь, то не промазываю. А теперь у меня есть привилегии и благословение самого Лоренцо. Я быстро карабкаюсь вверх, многим это не нравится, но это их проблемы. Лучше не попадаться ко мне на радар – каждая собака это знает, но всё равно находятся смельчаки, которые думают, что смогут выиграть.

Нельзя победить того, кому нечего терять.

Бездушные монстры не умеют любить. Не привязываются. Не щадят. Только калечат и забирают жизни. Лоренцо удалось слепить из меня идеальную машину для убийств. Потому что я позволил. Пять лет назад я выбрал жизнь и прогнулся под его требования. Кто я теперь? Разве уже не плевать? Возможно, стоило дать ему убить меня, довести дело до конца. Но отчаянная шальная мысль так и билась в голове. Глубоко внутри я хотел жить. Зачем – не понимаю до сих пор.

Я улыбаюсь Лоренцо одними лишь губами. Подумать

только. Ровно три года назад, я сидел на этом самом месте, и он поздравлял меня со вступлением в семью. Прошло всего каких-то три года, а я стал капо. Разве так бывает? Ни одного подобного случая на моей памяти. Потому что не было такого. Я слишком молод. Но Лоренцо счёл иначе. Неужто ублюдок решил замолить свои грехи передо мной, раз, наплевав на мой возраст, сделал капитаном?

Знаю, что именно он высматривает в моих глазах. Хочет увидеть презрение, отвращение и ненависть, которые я до сих пор испытываю по отношению к нему, но ни хрена он не найдёт. Я научился прятать чувства и носить маски. Желаю ли я ему смерти? Разумеется. Но он мой Босс, и я должен его защищать. А я привык выполнять свою работу идеально. Лоренцо всё равно когда-нибудь сдохнет. И тогда я плюну на его могилу.

– Помнится, три года назад ты отказался от первоклассной шлюхи. И сегодня мой подарок не примешь?

– Ну, если ты учёл мои вкусы, почему нет?

– Ах ты, прохвост, – Лоренцо смеётся. – Она ждёт под твоей дверью. Зовут Жаклин.

– Ты её в коробку, что ли, запихнул?

– Лучше. Развлекайся. Ты заслужил пару дней отдыха. С днём рождения, мальчик мой, – Лоренцо приподнимает рокс. – Знаю, ты не празднуешь, но посиди со мной. Налей себе ещё, выпей со стариком.

– Ты не старик.

– Ещё нет, ещё нет. Но годы идут.

– Я посижу с тобой, Лоренцо, сочту за честь. Но пить не буду, хочу съездить кое-куда.

– Я тебя задерживаю?

– Мне некуда спешить. Жаклин подождёт. Как и мои дела.

– Вот что мне нравится в тебе. Выдержка. Эдриан бы уже на всех парах мчался к жгучей красоте, а ты и бровью не повёл, когда я сказал о ней. Уважаю.

– Взаимно.

Спустя минут двадцать Лоренцо меня наконец отпускает. Около моей комнаты и правда сидит девушка. Наверное, её колени давно просят о пощаде, потому что она радуется моему появлению. Её длинные тёмные волосы спадают по плечам мягкими волнами, голубые глаза смотрят на меня с обожанием. Руки Жаклин связаны за спиной, во рту кляп. Тонкие ремешки стрепов оплетают всё тело, но не закрывают интимные места.

Жестом велю ей подняться на ноги, открываю дверь и пропускаю Жаклин вперёд. Первым делом я вынимаю кляп. Мне нравятся крики, так пусть кричит. Руки ей из-за спины лучше убрать, поэтому освобождаю и их.

– Зачем ты здесь?

– Доставить тебе удовольствие.

– Тогда ты знаешь, что делать.

Жаклин кивает, подходит к стене, упирается в неё руками и отклячивает задницу. Шикарный вид, надо сказать.

Достаю из ящика комода плётку и крепко сжимаю рукоять. Длинные плети – как продолжение моей руки. Я сросся с ними. Стоит взять в руку – и огонь распространяется по телу, требуя немедленного выхода. Возможно, правда в том, что я болен. Да и хрен с ней, с правдой. Какая бы она омерзительная ни была, правда лучше, чем сладкая ложь. А боль всегда вскрывает правду. За это я её и люблю.

Делаю два шага и замираю сбоку от Жаклин. Она дышит часто и отрывисто. Её дыхание не похоже на предвкушение, скорее – на страх.

Подхожу вплотную, откидываю её волосы на одну сторону, оголяя шею, и втягиваю воздух. Да, она боится. Пусть так. Мне не жаль её. Девчонка на работе, а работников я не щажу. Страх – самый сильный инстинкт. Он даёт много энергии. Но и забирает достаточно. Если человек силён, страх сделает его лишь сильнее. Если слаб – добьёт окончательно.

Жаклин слаба. Лоренцо опять промахнулся.

Кружу вокруг неё, выжидая момент и нервирюя свою гостью. И, когда она доходит до точки кипения, наношу первый удар. Я не обрушиваю на неё всю силу, а лишь оставляю легонький шлепок, но этого хватает, чтобы Жаклин вздрогнула.

Самая распространённая ошибка – показывать зверю слабость. Меня это лишь распаляет. И мне действительно не жаль Жаклин. В конце концов, она здесь для того, чтобы удо-

влетворить мои желания. Это не первая наша встреча, я видел Жаклин в борделе. Она первоклассная шлюха и давно работает на Лоренцо. По своей воле. Вот только я ни разу не замечал за ней пристрастия к теме. Это плохо. Вряд ли ей понравится то, что я хочу с ней сделать.

В последующие удары я вкладываю больше силы, и Жаклин дрожит всем телом. Тёмно-красные полосы на её коже прекрасны. Провожу по ним пальцами, сожалея, что не могу растянуть удовольствие на подольше. Я оказался прав, Жаклин точно не из тех, кто разделяет мои увлечения. Печально. Но, с другой стороны, хорошо. Время поджигает. Меня ждут.

Я хочу ещё. Хочу большего. Но скоро я должен быть в другом месте. К тому же Лоренцо в который раз ошибся с подарком. Мне не нужна шлюха, которая не кайфует от того, что я с ней делаю.

Чертыхаюсь сквозь зубы и отбрасываю плётку.

– Повернись, – произношу, не узнавая свой голос. Так происходит каждый раз, когда я погружаюсь в пучину тьмы. – На колени.

Она послушно опускается и расстёгивает мои брюки. Жаклин больше не дрожит и не боится. Поняла наконец, что я не наврежу ей. Да и когда я вредил шлюхам? Только когда они сами просили. Люди бы удивились, узнав, сколько боли может выдержать человек. А от осознания того, что многие боготворят боль, пришли бы в ужас.

Наблюдая, с каким облегчением Жаклин берёт у меня в рот, я убеждаюсь в том, что Жаклин годится лишь на одно-разовый минет. Я не сплю с обычными шлюхами. Даже не со всеми теми, кто со мной на одной волне.

У меня было много женщин и будет ещё больше, но отбираю я их тщательно. Мне нужны только те, которые всегда согласны. На всё. И сами кайфуют от этого. Текут, стоит лишь щёлкнуть пальцами. Да, хорошие шлюхи текут всегда. Даже Жаклин завелась, вижу. Она была бы рада раздвинуть свои изящные ножки. Но я найду вариант получше. Ту, которая удовлетворит все мои потребности. Жаклин для этого не подходит.

Сжимаю её волосы, фиксируя голову, и быстро достигаю разрядки. Я возбуждился сразу, как взял в руки плеть.

– Можешь идти. Лоренцо заплатил тебе?

– Да, – она кивает, поднимается с колен. – Точно больше ничего не нужно?

– Нет.

– У нас ещё есть время. Я могла бы...

– Пошла вон. Учись понимать с первого раза.

Жаклин тихонько выскальзывает за дверь, а я иду в ванную и наскоро принимаю душ. За окном уже темно, значит, можно снять свой идеальный панцирь. Оставляю ненавистные костюмы висеть в шкафу, влезаю в джинсы и чёрную футболку, быстро перекидываю необходимое в карманы кожанки и покидаю спальню.

– Дерек, ты, что ли? – удивлённо спрашивает постовой на выходе из особняка.

– Я. Останусь в городе. Закрой ворота.

Ночь и скорость. Крутая тачка, но пока не своя. Подарок того, кого я ненавижу всей своей несуществующей душой. Но я куплю свою. На собственные деньги. Не обagrённые кровью, не запятнанные именем Савиано. Я стану свободным. Никто больше не будет иметь надо мной власти. Моя жизнь будет принадлежать только мне.

Несколько лет назад я дал себе слово, что не буду зависеть от Лоренцо и этой семьи. По крайней мере – материально. А я всегда выполняю обещания.

Разумеется, я отстёгиваю процент в карман клана, как и все. Однако есть кое-что, о чём пока никто не знает. Я строю свой бизнес. Честный, легальный, без поддержки семьи Савиано. При таком раскладе я никому ничего не буду должен. Пока всё находится в зародыше, до миллионов ещё как до Луны, но я верю, что дело выгорит.

Сейчас весь мой доход от семейного бизнеса уходит на моё начинание. Я стал получать приличный процент от Савиано, однако необходимой суммы у меня и близко нет. Деньги нужны были ещё вчера, так что я принял решение, которое мне чертовски не нравится. Но иначе никак. Если не достану необходимую сумму в срочном порядке, о своём деле можно забыть. Само собой, просить в долг у Лоренцо я не стану.

Я как чёртот фанатик одержим идеей независимости. Ненависть превратилась сначала в кровь, а затем – в помещательство. Меня ничто не остановит. Я освобожусь от него. Очень скоро.

«Я не раб», – твержу себе каждый день и впахиваю. На Лоренцо и на себя. Строю за его спиной свою собственную империю.

Двойная жизнь? Окей, пусть так. Но никто меня за это не осудит. А если посмеют, я закопаю их живьём. Любой, кто встанет у меня на пути, будет мёртв.

Я. Не. Раб.

Глава 2

Особняк Дарио встречает меня темнотой. Это странно, ведь сегодня день рождения Карлоса. Неужели праздник закончился? Хотя всё возможно. Сейчас глубокая ночь, а у Дарио строгие правила. Вряд ли он разрешил сыну устраивать затяжное веселье. Если вообще разрешил. Вполне может быть, что Карлос посетил своё излюбленное место, где оторвался на всю катушку. Надеюсь, он сейчас вменяем.

Официальное мероприятие назначено на завтра, потому что Дарио до сих пор в отъезде. Приглашены члены всех семей и особо влиятельные люди. Завтра здесь будет скучно и чинно. Репутация для Дарио важнее, чем что-либо ещё. Он мог вернуться к дню рождения сына, но предпочёл не подстраивать своё расписание под такую мелочь.

Постовые совершенно не удивляются моему появлению. Разумеется, их предупредили.

Даю глазам привыкнуть к темноте и прохожу в гостиную. Из источников света здесь только старинный камин. Этот дом всегда наводил на меня жуть. А уж его обитатели и вовсе странные люди. Но сейчас это неважно.

– Дерек, ну наконец-то! – восклицает Карлос и поднимается мне навстречу. – Я уж думал – не приедешь.

Его улыбка кажется искренней, однако я знаю, что это не так. В мире мафии нет друзей. Только партнёры и враги. На-

клоняю голову в знак приветствия, и Карлос раскидывает руки. Ненавижу обнимашки, но я вынужден соблюдать наши законы, если хочу чего-то добиться. Пока я никто. Когда стану кем-то, тогда и установлю свои правила игры.

– С днём рождения, Карлос.

– Взаимно.

– Договор в силе?

– Обижаешь, – Карлос строит гримасу. – Разумеется. Ты же мой друг, – он достаёт из-под кресла большой кейс, но отдавать мне не спешит. – Всё здесь, как договаривались.

– Верну с процентами.

– Может, сочтёмся иначе? – Карлос прищуривается, и мне это не нравится.

– Это как?

– Скажем, мне нужно убрать кое-кого с дороги.

– Я не наёмник, Карлос.

– Конечно нет! Ты лучше. Круче. И ты никогда не промахиваешься. Это все знают. Ну так что, по рукам?

– Я бы предпочёл вернуть тебе всю сумму. С надбавкой.

– Тогда я перефразирую, – Карлос ухмыляется. – Я не дам тебе в долг. Но готов оплатить услугу. Даже добавлю сверху.

– Ладно.

– Значит, договорились?

– Нет, Карлос. Я не возьму твои деньги. Прощай.

– Ты пожалеешь, – доносится мне в спину.

Прохладный ночной воздух оглушает. Мне становится

нехорошо. Я надеялся получить нужную сумму. Но не таким же способом. Да, я убиваю по приказу Лоренцо. Я убийца, но не наёмник и никогда им не стану. Стоило сразу понять, что сделка с Карлосом обречена на провал. Этот ублюдок не умеет действовать честно. Все эти годы он лишь притворялся моим другом, а сегодня показал истинное лицо.

Всё не то, чем кажется. Все не те, кем кажутся...

– Дерек! – окликает меня Беатрис, и я сбавляю шаг. – Дерек!

Она ловит меня за рукав, разворачивает к себе. Только её сейчас не хватало. Мне и так хреново.

– Что такое, Беатрис?

– Нам надо поговорить.

– О чём?

– Пойдём со мной, пожалуйста.

– Может, отложим до завтра? Я очень устал.

– Это ненадолго. Пожалуйста, Дерек.

Что-то в её голосе заставляет пойти на уступку. Иду за ней по дорожке к беседке. Беатрис очень любит эту беседку. Она проводит здесь много времени, сбегая от отца-деспота и ненормального брата. Девчонке не повезло родиться в этой семье. Мне немного жаль Беатрис, но что я могу сделать? Она и сама давно чокнулась. А в последнее время словно помешалась на мне. Сколько раз я уже говорил ей, что между нами ничего не может быть? Ну ладно, скажу ещё раз.

– Так в чём дело? – спрашиваю, едва мы заходим внутрь

беседки, которая немного подсвечена.

Я могу видеть лицо Беатрис, она выглядит смущённой, но её глаза возбуждённо блестят, отдавая безумием.

– Это тебе, – Беатрис протягивает мне толстый конверт.

– Что это?

– Подарок. У тебя ведь день рождения.

– Я не праздную, ты же знаешь.

– Знаю. Но мне хочется сделать тебе приятное. Я случайно услышала ваш разговор.

– Подслушала.

– Ну да, – она пожимает плечами. – Пусть так. Карлос бывает сволочью, не злись на него.

– Я не злюсь.

– Открой конверт. Пожалуйста.

Медленно вскрываю верхний слой и заглядываю внутрь. Там деньги.

– Знаю, тут мало. Тебе наверняка нужно гораздо больше. Но это всё, что у меня было в наличии. Завтра я сниму со счёта и...

– Нет, – закрываю конверт и отдаю ей. – Беатрис, спасибо тебе, но я не могу принять твой подарок.

– Почему нет?

– Беатрис, милая, – беру её за руки и усаживаю на скамью. – Я говорил тебе много раз и скажу ещё: между нами ничего не может быть. Я не люблю тебя. И я не сплю с девушками, принадлежащими к какой-либо семье.

– Знаю. Это же просто деньги. Они нужны тебе. Мы ведь можем быть друзьями?

– Конечно.

– Значит, ты мой друг, – она улыбается. – Я просто хочу помочь другу.

– И я ценю это, правда. Но деньги я не возьму.

Ведь это капля в море. Она мне никак не поможет. У Беатрис не найдётся нужной суммы. А даже если бы и нашлась, я бы не взял. Не хочу быть ей обязанным.

– И что ты будешь делать? Попросишь у Лоренцо?

– Нет. Я бы не хотел, чтобы Лоренцо узнал о моём визите и просьбе.

– Карлос ему уже сказал. Как только ты вышел, он позвонил Лоренцо.

– Чёрт!

– Мой брат... он... такой.

– Да. Такой.

Какое-то время мы сидим в тишине. Пора бы мне уже валить. Деликатно. Когда я открываю рот, чтобы попрощаться, Беатрис хватает меня за руки.

– Иди к Маттео, – возбуждённо шепчет она. – Он тебе не откажет.

– Спасибо, Беатрис, – целую её в лоб и встаю. – Береги себя.

Спешно покидаю территорию особняка Дарио и сажусь в машину. Слова Беатрис до сих пор звучат в голове. Возмож-

но, она права, и мне действительно стоит обратиться к Маттео. Он всегда был настроен ко мне более чем лояльно. Уж не знаю, с чего такое особое отношение. Проблема только в том, что уже очень поздно. Звонить Боссу в такое время – дурной тон.

Однако если я не достану деньги до восьми утра, то всё рухнет. Мои вложения сгорят, сделки сорвутся, репутация полетит к чертям. Последний пункт самый важный. Если я оплошаю, никто больше не поверит в меня, никто не захочет иметь со мной дел. К тому же Лоренцо сейчас явно в бешенстве. Лучше мне пока не возвращаться в особняк.

Набираю нужный номер, подношу телефон к уху. Маттео отвечает довольно быстро. В ответ на мой вопрос он говорит, что готов принять меня.

Дорога к его особняку занимает почти сорок минут. Внутри нарастает непонятная тревога, но я её игнорирую. Интуиция подсказывает, что с Маттео это никак не связано.

Он встречает меня радушно, даже слишком. Всё не перестаю удивляться его молодости. Время идёт, а Маттео словно игнорирует его. Выглядит он лет на десять или даже пятнадцать моложе своего возраста. А ведь он старше Лоренцо. Но, если их поставить рядом, ощущение будет обратное. При том, что Лоренцо в хорошей физической форме, а Маттео за последние несколько лет слегка располнел, да и ростом он значительно ниже, но всё равно на фоне Лоренцо Маттео выглядит моложе. Хотя это нихера не так. Он что, за-

ключил сделку с дьяволом? Или регулярно ложится под нож пластического хирурга? Хотя какая разница?

Маттео предлагает пройти в его кабинет, наливает мне выпить, не спрашивая, и я понимаю, что отказ будет равен оскорблению. У меня есть правило: не садиться за руль нетрезвым. Видимо, потом придётся попросить кого-то отвезти меня в город.

– Ты можешь остаться здесь, – произносит Маттео, словно прочтя мои мысли. – Время уже позднее, не нужно никуда ехать. Мой дом – твой дом, – он присаживается напротив. – Говори, я слушаю.

– Мне нужно восемьсот сорок миллионов долларов.

– Большая сумма.

– Отдам с процентами через полгода.

– А если не выгорит, Дерек? – Маттео смотрит на меня с насмешкой. – Что будешь делать? Молодой бизнес часто погибает на старте. Тебя никто не прикрывает. От помощи своей семьи ты отмахнулся, даже не сказал им ничего. Неужели надеешься справиться в одиночку? Не думаешь, что найдётся много желающих уничтожить то, что ты с таким трудом выстраиваешь?

– Откуда вы знаете?

– Я много о тебе знаю, мальчик. Очень много. Ты подкопил денег, нанял хорошего юриста и консультанта. С их помощью заключил несколько сделок на покупку зданий в центре и на окраинах Нью-Йорка. Внёс небольшую предоплату,

чтобы застолбить эти здания за собой и обеспечить выгодные для себя условия. Хороший ход, не спорю. Но ты один. Без поддержки, без денег. Нужными связями ты пока ещё тоже не оброс. Разумно ли было бросаться в омут с головой и ставить на карту всё, в том числе и свою жизнь?

Молча опрокидываю в себя алкоголь, а Маттео продолжает:

– Когда ты последний раз нормально спал? Начнём с этого.

– Не помню.

– Вот сегодня и выспишься.

– С утра мне нужно...

– Не нужно, – перебивает он меня. – Отправлю к ним своего адвоката. Платежи по сделкам отсрочат на день. Я не волшебник, Дерек. Деньги надо сначала изъять из оборота, это не делается ночью. А в наличных и в банках я такие суммы не держу. Мои деньги работают на меня. Поэтому только к вечеру восемьсот сорок миллионов будут у тебя на руках. Не раньше. Конечно, я могу утром перевести напрямую, но вряд ли тебя устроит такой вариант, я прав?

Киваю, а Маттео вновь наполняет мой стакан. Когда я опустошаю его, Маттео произносит:

– Тебя проводят в твою комнату. Сегодня ты остаёшься здесь.

– Спасибо.

– Это самое малое, что я могу сделать.

– Почему вы помогаете мне?

– Я люблю деньги, – Маттео улыбается. – Ты ведь вернёшь с процентами.

– А если не смогу, что тогда?

– Тогда будешь должен. Уважаю тех, кто всегда платит по счетам. Ты в их числе, Дерек, иначе я бы даже слушать тебя не стал. Иметь в должниках такого парня, как ты, очень выгодно. Как тебе виски? Скажи же, весьма хорош. Друг привёз на днях. Разлей, скрепим договор.

Глава 3

Ощущение, будто кто-то разламывает мою голову с диким треском. Это заставляет открыть глаза. Сходу не понимаю, где нахожусь, но довольно быстро до меня доходит, что я лежу одетым на кровати в доме Маттео, а кто-то ломится в дверь. Я закрыл её. На всякий случай.

Включаю ночник, смотрю на часы, отмечая, что поспал всего часа полтора, затем встаю и иду к двери. Хмель ещё не выветрился, чувствую себя хреново. Но кто бы ни ломился ко мне в комнату, он настроен очень серьёзно и явно не намерен ждать, пока я просплюсь.

– Какого дьявола, Дерек? – с порога спрашивает Лоренцо.

Он разъярён, но мне плевать. Голова раскалывается и кружится, глаза хотят закрыться обратно, в горле пересохло. Виски правда был убойный, и я знатно с ним переборщил. Есть у меня дурная особенность: после определённого количества выпитого, начинаю вливать в себя спиртное бесконтрольно. Видимо, очередной побочный эффект обучения.

– Ты о чём? – спрашиваю охрипшим голосом и морщусь от неприятного привкуса во рту.

– О Беатрис! – Лоренцо бесцеремонно вторгается в спальню и с грохотом захлопывает дверь. – Что ты наговорил ей? Смотрю на него, не понимая совершенно ничего.

– Приди в себя! – рыкает Лоренцо, встряхивая меня за

грудки. – Вы поговорили, а теперь она мертва. Что ты ей сказал?!

– Как мертва?

– Так! – снова рывкает он, отпуская меня. – Вскрыла себе вены. Ты уехал, часа не прошло, как прислуга нашла её в кровавой ванне. Карлос обвиняет тебя. Говорит, что ты расстроил её до слёз, и у Беатрис началась истерика. Он успокоил её, наполнил ванну. Карлос и подумать не мог, что девочка покончит с собой от горя! Что ты ей наговорил?!

– погоди, стоп. Мне надо сесть.

– Не мешало бы, – Лоренцо смеряет меня взглядом. – Со мной, значит, ты не пьёшь, а с Маттео решил налакаться?

В его голосе сквозит обида, но мне насрать. Сейчас я точно не способен понять причину её появления. Игнорирую его вопрос, сажусь в кресло и морщусь теперь уже от головной боли. Какого хрена так раскалывается? Сколько я вообще выпил? И что случилось с Беатрис?

Она не была похожа на человека, который хочет совершить самоубийство. Мы расстались мирно. Беатрис не плакала. Она всё поняла и не обиделась на меня. Об этом я и говорю Лоренцо, но он не верит.

– Врёшь, – шипит он, склоняясь надо мной. – Ты обо всём мне врёшь. Карлос сказал, ты приезжал за деньгами. Зачем тебе такая сумма? И почему ты не попросил меня? Он отказал тебе – и что? Ты вымогал деньги у Беатрис? Она тоже отказала, тогда ты послал её и наговорил кучу дерьма? Так

было дело?

– Хочешь, чтобы я тебе на штаны блеванул? Отойди, про-
чисти уши и перестань орать. Я уже всё сказал. Не моя вина,
что до тебя не доходит.

– Как ты разговариваешь со мной?! – вновь орёт Лоренцо,
но всё же отстраняется. Ещё бы. Это его любимый костюм. –
Щенок, – цедит он, испепеляя меня ненавидящим взглядом.

– Ну давай, скажи, что нужно было убить меня ещё давно.
Что без тебя я никто. Что жив только потому, что ты позво-
лил мне дышать. Заведи свою забытую любимую шарманку.
Самое время вспомнить о том, какое я отребье и обуза. Про-
сти, не могу вспомнить все эпитеты. Голова сейчас дурная.

Лоренцо усмехается и садится в кресло напротив. Он
смотрит на меня долго, изучая, вновь выискивая что-то в мо-
ём лице. Слишком сложно удерживать маску. Как хорошо,
что в данную минуту я не испытываю ненависти. Лишь уста-
лость и раздражение. Но показывать их совершенно нет сил.
Моё лицо – ничего не выражающий пластик. Наверняка ещё
и помятый пластик. Похмелье нахлобилось на опьянение, и
я еле сдерживаюсь, чтобы не послать Лоренцо и не заснуть
прямо в кресле. Держать глаза открытыми очень сложно.

– Расскажи, как было, – говорит он наконец. – По порядку.
Ничего не утаивая. Начни с того, зачем тебе понадобились
деньги.

– Тебе правда интересно?

– Ты замышлял что-то за моей спиной, сукин ты детёныш.

Разумеется, я хочу знать правду.

– Моя мать не была сукой.

– Откуда ты можешь знать? Она погибла, когда тебе было два года.

Молча перевожу взгляд в стену.

– Рассказывай. И смотри мне в глаза.

Он не отстанет. У меня всего три варианта: послать его и вытянуть смертельный билет, убить его и опять же подписать себе смертный приговор или рассказать всё от начала и до конца.

И я начинаю говорить. Рассказываю без утайки. Как захотел создать что-то своё, легальное, не связанное с семьёй. Как копил деньги. Как искал нужных мне людей – юриста и консультанта. Как перебирал кучу вариантов. Как остановил свой выбор на покупке именно этих зданий. Как заключил предварительные сделки, внося небольшой залог и пообещав потом приплатить агентам лично в их карманы. Как договорился с Карлосом, и как он меня в итоге опрокинул.

– Так ты отказался? – с нажимом спрашивает Лоренцо.

– Конечно. Я не наёмник.

– Дальше.

– Карлос сказал, что я пожалею об этом. Когда я уходил, меня перехватила Беатрис. Позвала в беседку поговорить. Поздравила с днём рождения, сунула мне деньги, но я их не взял. Сказала, что завтра снимет наличные со своего счёта, но я отказался от её предложения.

– Почему?

– В смысле «почему»? Ты думаешь, я бы взял деньги у женщины?

– И ты поехал к Маттео, – Лоренцо кивает.

– Да. Беатрис надоумила. Говорила, что он не откажет, и оказалась права. Слушай, я не знаю, что произошло после того, как я уехал. Беатрис правда не выглядела расстроенной. Мы мирно пообщались. Она поняла меня и не обиделась. Когда я уходил, она выглядела вполне нормально. И вела себя тоже. Мы сошлись на том, что останемся друзьями. Кажется, до неё наконец дошло, что я действительно в ней не заинтересован.

– Я тебе верю, – задумчиво произносит Лоренцо. – Верю, что ты её не обидел. С головой у девчонки всегда было не в порядке. Может, они с Карлосом поругались, кто знает. В любом случае теперь понятно, почему он обвиняет тебя. Это месть за твой отказ. Знаешь, кого он хотел убрать твоими руками?

– Нет.

– Понятно. Значит, теперь ты должен Маттео восемьсот сорок миллионов.

– Пока ещё нет, но завтра буду. Точнее – уже сегодня, – уточняю, видя за окном проблески рассвета. – Вечером.

– Ты ничего не подписывал?

– Ещё нет.

– Я дам тебе нужную сумму. С Маттео поговорю сам. Ло-

жись спать. Сегодня будь здесь, никуда не езди. Дарио требует крови. Я всё решу. Тебя никто не тронет.

– Стоп. Нет, Лоренцо. Нет. Я не возьму у тебя деньги.

– Хватит! – вдруг срывается он на крик и вскакивает на ноги. – Вместо того, чтобы пойти ко мне, ты поехал побираться словно голодранец! Я бы дал тебе всё, стоило только попросить!

– Знаю. И ты тоже знаешь, почему я не пошёл к тебе.

– Ты же обещаешь отдать с процентами. Какая разница, у кого занимать?

– Большая.

– Тогда выиграй их, – Лоренцо скидывает пиджак, затем и галстук. – Заслужи честно – и не будешь мне должен ни цента.

– Чего? – спрашиваю, наблюдая, как он избавляется от рубашки.

– Вставай.

– Не буду я с тобой драться. Ты с ума сошёл? Мне не десять лет, Лоренцо, а тебе уже далеко не тридцать и даже не сорок. Я ж тебя теперь убить могу.

– Вставай и дерись со мной. Выиграешь – деньги твои, и ничего ты мне не должен. Проиграешь – всё равно их возьмёшь и отработаешь каждый грёбанный цент.

– Разве есть вариант, что я проиграю?

– Ты всё ещё пьян, но при этом у тебя уже похмелье. Это уравнивает шансы.

– Хочешь разгромить здесь всё?

– Возмещу, – рычит он. – Вставай!

– Нет.

– Весь в свою мамашу. Рассказать тебе о ней? Сука, породившая тебя, была лживой тварью. Шлюха обманывала своего мужа и меня, своего Босса. Она раздвигала ноги перед каждым. Чей ты сын? Да кто знает! Её трахал любой, кому хотелось. А хотелось многим. Красивая была сука, но гнилая. До тебя ей дела не было. Бросила на моё попечение, а сама умотала с муженьком в путешествие. Только тварь не доехала. И поделом ей. Как по мне, шлюха легко отделалась. Нужно было...

Договорить он уже не может, потому что зажимает нос рукой. Я разбил его, знаю, хоть и не вижу ни черта. Перед глазами чернота, а в ушах стоит жуткий звон. Хочу выйти из комнаты, чтобы не сорваться окончательно, но Лоренцо вновь подаёт голос:

– Хотел знать, почему я тебя ненавижу? Так знай. Ты. Сын. Грёбаной. Шлюхи.

В себя прихожу, уже сидя на полу. Лоренцо валяется рядом. Его лицо в крови, как и мои руки.

– Ты выиграл, – хрипит он.

– Мне плевать.

Поднимаюсь с пола и иду в ванную комнату. Долго смываю с рук кровь. Меня дважды выворачивает прямо в раковину. Непролитые слёзы душат, как и злоба, а в голове сту-

чит лишь одна мысль: «Он врёт, моя мать была хорошим человеком».

Глава 4

Дарио так и не поверил, что я ни при чём. Многие не поверили. За мной навсегда закрепилось клеймо убийцы Беатрис. Но я не убивал её. Не подталкивал к тому, чтобы она наложила на себя руки. И уж точно я не верю, что Беатрис сама это сделала.

Карлос – вот кто виноват в случившемся. Вполне возможно, что он сам убил свою сестру.

Под предлогом того, что Дарио рвёт и мечет, Лоренцо через пару дней после кончины Беатрис сплавил меня в Италию. С того дня я частенько навещаю сюда, чтобы разобраться с любой возникающей проблемой. Я выполняю всю самую грязную и опасную работу. Лоренцо говорит, что может положиться только на меня, но правда в том, что мной не жалко пожертвовать.

Прошло уже пять лет с той ночи, когда я избил Лоренцо. У него остался шрам над губой. Надо сказать, Лоренцо тогда легко отделался. Я не помню, как бил его. Мог запросто отправить на тот свет. Меня порой накрывает, и я творю полную хрень. Самое ужасное, что в такие моменты я не только не контролирую себя, но и будто выпадаю из реальности. А потом ни хрена не помню. Просто провал в памяти. Чёрная дыра. Если я и боюсь чего-то, то именно этого. Своего безумия.

За все пять лет мы так и не говорили об этом. Даже не заикались. Ни о его разбитой роже, ни о моей матери, ни о тех миллионах, которые он перечислил на счета бывших владельцев зданий, пока я спал.

Да, так всё и было. Я разбил ему морду в мясо, а потом завалился спать. Соображал ли я тогда хоть что-то? Сильно сомневаюсь. После его слов о моей матери сознание словно выключилось. Как и тормоза.

Я больше не голодранец. Не приживала. Теперь у меня есть свой бизнес. Легальный. Честный. Но всё-таки запятанный именем Савиано. Как я ни пытался впихнуть Лоренцо деньги, он не брал. Если я перечислял сумму на его счёт, она возвращалась в удвоенном размере. Если приносил наличность, Лоренцо смеялся мне в лицо. Тогда я сказал ему, что буду отдавать процент со своего личного дохода в семью. Против этого Лоренцо возражать не стал, но взял с меня слово, что я никому никогда не расскажу о нашей с ним потасовке и последующей сделке. А, как все знают, слово я держу. К тому же я и сам не хочу, чтобы кто-то узнал, что я принял очередную подачку своего Босса. Пусть и против воли.

Я ненавижу ложь. Но иногда она необходима. Главное – не врать себе. Я знаю, кто я. Этого достаточно. А то, что думают обо мне другие люди – это только их проблемы. Я не имею ничего общего с чужим мнением обо мне. Образ, который люди рисуют у себя в голове, – лишь проекция их ожиданий, оправдывать которые я не намерен.

Мне всего двадцать пять, а я уже спокойно могу врать о том, что всегда честен со всеми. Что будет дальше? Свою совесть я усыпил в ту ночь, когда пришёл к Маттео за деньгами. Ложь бывает двух видов: во спасение и ради личной выгоды. Я не брезгую обоими. Но, конечно, я никогда не вру. Никому.

Правду о том, каким именно образом я сколотил состояние, до сих пор знаем только мы трое. Маттео тоже делает вид, что не в курсе истинного положения вещей. Уж не знаю, как Лоренцо заставил его молчать и заставлял ли. Маттео всегда относился и продолжает относиться ко мне лучше, чем я того заслуживаю.

Теперь я купаюсь в деньгах, но поводок от ошейника всё ещё в руках Лоренцо. Я не выиграл в той драке, а проиграл. Лоренцо специально меня спровоцировал и позволил себя избить, чтобы навечно сделать меня своим рабом.

Я впахиваю за троих. На своё дело времени остаётся немного. Хорошо, что я нанял толковых людей. Они отлично выполняют свою работу. Бизнес процветает, растёт. Да, я вникаю в процесс, но у меня нет возможности постоянно контролировать всё это.

Чем я занимаюсь? Выполняю приказы Лоренцо. Каждый день. Семь дней в неделю. Вот прямо сейчас я сижу в ресторане Роберто, своего троюродного брата. Он был так рад видеть меня с утра. Интересно, что он скажет после того, как я выполню очередной приказ Лоренцо? Сдаётся мне, Роберто

захочет меня убить, а, по крайней мере, два клана итальянской мафии назначат за мою голову награду. Зато сицилийцы станут благосклонны. Не все. Но Анхель точно сменит гнев на милость. Самый молодой Дон на данный момент. Самый вспыльчивый. Самый непредсказуемый. Анхель настоящий псих. И я не шучу. Он славится своей жестокостью.

И он рвёт и мечет. После того, как я увёл у него из-под носа выгодную сделку, Анхель орёт, что Лоренцо обокрал его моими руками. А ведь ещё примерно полгода назад мы с Анхелем мирно распивали вино на террасе. Тогда Анхель был нужен нашей семье, мы сотрудничали. Потом планы Лоренцо слегка поменялись, и пришлось пойти на небольшую подлость. Я сразу сказал, что это недальновидно, но Лоренцо меня не послушал. Теперь, чтобы задобрить Анхеля, мне нужно убить наёмников, которые охотятся за ним и Марией.

Первую партию охотников за головами солдаты Анхеля перебили довольно быстро, но вторая партия оказалась куда проворнее и профессиональнее. Однако мне они вполне по зубам. Разумеется, нет никакой гарантии, что эта партия окажется последней. Но свой вклад я внесу, и, вполне возможно, после сегодняшнего «застолья» Анхель рассыпится в благодарностях, оттаает, и между нашими семьями снова наступит хрупкое перемирие. Только надолго ли? Хотя ответ я и так знаю: пока у Лоренцо не изменятся планы. Ради личной выгоды он вновь с лёгкостью подставит Анхеля. Но сейчас мне нужно вернуть его расположение. А для этого придётся

раздраконить Роберто. Не специально, конечно. Но последствия будут ужасны. Чёрт. Я так устал от этой клоунады.

И я мог бы убить их в другом месте, но Лоренцо приказал подкараулить их здесь. Ресторан Роберто – очень популярное место среди мафии. Это будет показательная кара. После такого представления на нашу семью и её друзей долгое время никто не пойдёт. Но вот злобу затаят. И отомстят. В своё время. Такие блюда подают холодными.

Я даже не уверен, что Анхель вновь перейдёт на нашу сторону. Разве что чисто для вида. Его улыбка будет фальшивой, как и добрые намерения на наш счёт. И он точно возглавит список тех, кто захочет пустить кровь Савиано. Об этом я тоже говорил Лоренцо, но он меня не слушает, а против приказов Босса не пойдёшь. Мне придётся устроить эту резню, хоть я и считаю этот приказ верхом тупости.

Лоренцо очень хороший Босс, при нём наша семья стала одной из самых сильных и влиятельных не только в Штатах, но и за их пределами. Однако жажда власти и самоуверенность его погубят. А заодно и всех Савиано.

Нельзя недооценивать врагов. Нельзя недооценивать «друзей». Нельзя не считаться даже с самой мелкой пешкой на шахматной доске. Иногда вот эта самая мелочь может сделать решающий ход и нанести удар, который станет смертельным.

И вроде мне всего двадцать пять, а Лоренцо уже стукнуло пятьдесят восемь. Так почему я понимаю эти простые ню-

ансы, а Лоренцо о них будто напрочь забыл? Абсолютная власть развратила его мозги. Он заигрался в Бога, это плохо кончится. Но как повлиять на него? Я как был никем, так и остался. Теперь я знаю, что деньги решают очень и очень многое. Но при этом они не решают ровным счётом ничего, если дело касается действительно важных вещей.

– Дерек! – низкий женский голос окликает меня, и я чертыхаюсь сквозь зубы. Только её тут не хватало. – Какими судьбами? – Мария присаживается напротив. – Что-то ты зачастил в наши края.

– Ну, строго говоря, я не в ваших краях.

– До Сицилии рукой подать.

– Как сама, Мария? Что нового?

– Да много нового, – она улыбается и делает официанту знак рукой. – Полгода прошло, если ты не заметил.

Заметил. Конечно, я заметил. Мария – самая моя большая ошибка. И она зла, я вижу. Чувствую, месть её будет изощрённой. К тому же Мария имеет на неё полное право. Вот почему я никогда не сплю с теми, кто входит в ту или иную семью. Но с Марией что-то пошло не так. Красивая она. Яркая. Вызывающая. Пошлая. Развратная. Стерва. От неё сексом разит за километр. Вот я и не устоял. Или всему виной несколько бутылок вина, которые мы распили с Анхелем, прежде чем я поймел его жену в его же доме. Точнее – около дома, но какая разница?

Я трахнул Марию, потом её подружку. Между прочим,

на глазах Марии, она любит подглядывать. О чём думал Анхель, когда выбирал себе жену? О чистоте крови? О скреплении союза между семьями? Да, Мария чистокровная итальянка, дочь Дона Паоло, нынешнего партнёра Анхеля. Но об их обоюдной ненависти и проблемах с зачатием знают все. Если Мария подарит Анхелю наследника, это будет просто чудом.

На следующий день после того, как мы с Марией весело провели время, я обвёл Анхеля вокруг пальца и покинул страну. Неудивительно, что он зол. Хотя вряд ли он знает о нашей с Марией шалости. Камер там не было, а Марии трепать языком – себе дороже. Анхель бы с неё за такое шкуру спустил. В буквальном смысле. Но Мария сидит здесь, значит, её муж так и остался в счастливом неведении. Сам он не верен Марии, но, если бы узнал о том, что это взаимно, не простил бы её ни за что.

– Дел было много, – отвечаю резко, возможно, даже чересчур. – Ты зачем здесь?

– А мне нужно спрашивать твоего разрешения, чтобы посетить этот ресторан? Извини, не знала, – она презрительно кривит губы.

– Мария, я понимаю, ты имеешь право злиться.

– Злиться? – шипит она, склоняясь над столом. – О, я в ярости!

– А чего ты ожидала? Я сразу сказал, что это разовый перепихон. Мы получили удовольствие – и всё.

– При чём тут это?! Ты кинул нас! Лоренцо приказал тебе подставить – и ты подставил.

– Он мой Босс.

– Какая хорошая отговорка! Наша семья понесла большие убытки и не только денежные. Тебе придётся заплатить.

– Давай отложим моё наказание, окей? Не сочти за грубость, но тебе лучше уйти и поскорее. Здесь с минуты на минуту станет очень жарко.

– С чего вдруг?

Я отодвигаю край пиджака, демонстрирую два пистолета и нож, и Мария усмехается.

– Дерек, Дерек, – произносит она, растягивая гласные. – Там, где ты, не бывает спокойно. Никогда. Ты сам как ураган, – Мария проводит своей ногой по моей и медленно облизывает ярко-красные губы.

– Мария, не сейчас. И вообще – не нужно нам больше этого делать.

– Уверен? Ты же хочешь, Дерек. Я вижу, – она хищно ухмыляется, откидывает тёмную прядь, упавшую на лицо, и садится прямо. Идеально прямо, гордо вскинув голову. Словно королева. Королева похоти.

И тут какого-то чёрта я уступаю ей. Может, сказывается висящее в воздухе напряжение. А, может, я просто хочу снова поиметь именно её. Жёстко и сзади. От воспоминаний о её заднице в штанах становится немного тесно.

– Встретимся вечером, в гостинице. Если захочешь – без

труда узнаешь, где меня найти. А сейчас уходи. Для своего же блага.

– Обещаешь, что останешься жив?

– Если меня не убьёт Роберто, то да.

– А он ведь может, – Мария издаёт низкий смешок и грациозно встаёт со стула. – До вечера, Дерек. Если подохнешь, я спущусь за тобой в ад и трахну так, как тебе и не снилось.

Я уже не слышу её. Всё моё внимание переключается на только что вошедших головорезов. Наёмников, которых я должен показательно покромсать. Мария ещё здесь. Это плохо, ведь за её голову назначена награда. Но, с другой стороны, теперь у меня есть повод убить их всех. А у Анхеля появится ещё более весомая причина сменить гнев на милость и благодарность. Ведь я спасу его жену. Если, конечно, её случайно не убьют в перестрелке.

– Сядь на место! – рывкаю, достаю пистолет и нож. – Где твоя охрана?

– Я сегодня одна, – Мария послушно садится на стул. Она тоже их заметила, и теперь уже не такая борзая.

– Искала приключений? Поздравляю, ты их нашла. Быстро лезь под стол.

Они окружают наш столик, и я встаю.

– Какие-то проблемы?

– С тобой – никаких, – отвечает их главный. – А вот её мы забираем.

– Значит, всё-таки у нас проблемы. Она никуда с вами не

пойдёт.

Раздаётся гогот, а в следующую секунду – трёхэтажный мат, потому что трое из гоготающих оседают на пол, хрипя, зажимая горло, но, один хрен, забрызгивая своей кровью всё вокруг. Я вспорол им глотки, крутанувшись вокруг своей оси. Этому приёму меня научил Лоренцо. Сам. Лично.

Меня сразу же берут на прицел, но я опережаю их: успеваю пару раз пальнуть, поднимая стул и швыряю в наёмников, а затем отступаю за соседний столик и припадаю к полу. Как раз вовремя, потому что раздаётся шквал выстрелов.

Следующие минут десять, перестреливаясь, мы разносим в щепки весь ресторан. Посетители с визгом сбежали, персонал тоже благоразумно ретировался, только Мария осталась. Чокнутая. Сидит, согнувшись под столом, и сжимает пистолет, выуженный из сумочки. Ещё и палить из него умудряется. Кажется, она положила двоих. Хоть какая-то польза.

Наёмников было одиннадцать. Но сейчас счёт почти сровнялся: их осталось только четверо, а у меня лишь царапина на плече. Задело вроде несильно. Потом узнаю.

Вставляю сменный магазин, вылезаю из укрытия и, пригнувшись, продвигаюсь в другой конец ресторана. Два выстрела – минус ещё двое. Третий нападает на меня сзади, пытается душить. Только ни хрена у него не выйдет. Бью по коленной чашечке, и громила чуть ослабляет хватку. Этого мне хватает. Мой нож никогда не подводит. Он быстро вонзается в цель. И ещё раз. Ещё. Пока наёмник не распласты-

вається на полу.

Сзади раздаётся звук выстрела, а следом за ним – стук тела об пол. Оборачиваюсь и вижу Марию. Её лицо бледное, волосы растрёпаны, бретельки красного шёлкового платья спущены по плечам, руки лихорадочно сжимают ещё дымящийся ствол, а глаза... В них читается животный страх, но при этом и восхищение. Она прекрасна сейчас. Говорю же: больная стерва.

– Нужно убираться отсюда, – произносит она, опуская пистолет.

– Нельзя, – подхожу к ней. – Бери сумку и идём со мной. Быстро.

Странно видеть её послушной, однако в этом и прелесть итальянских женщин мафиози. Они все бойкие, будь здоров, но знают, когда нужно заткнуться и стать блёклым пятном. Тенью своих мужей.

А мне сейчас нужна именно тень. Послушная, готовая расставить ноги и принять. Пусть я не муж ей, но Мария понимает, зачем я тащу её за собой. Семенит за мной, едва поспевая, но даже не возмущается. Мы спешно проходим в кабинет управляющего, чем пугаем Густава до полусмерти.

– Синьор Савиано, – пищит он, выныривая из-под стола. – Это вы! Какое счастье!

– Думал, я сдох?

– Их было так много, а вы один.

– Роберто уже выехал?

Густав кивает.

– Встреть его у входа, скажи, что Лоренцо покроет ущерб. Мы подождём здесь. Оповести охрану Марии, пусть едут сюда. Иди.

– Конечно, синьор Савиано.

Когда Густав скрывается за дверью, я закрываю её на замок и поворачиваюсь к Марии. Здесь нет камер. Идеальное место, чтобы выпустить пар.

Глава 5

– Обязательно его дожидаться? – спрашивает Мария, поправляя бретельки платья. Нахрена, если я их всё равно спущу? – Можем пойти в более подходящее место.

– Роберто – подручный Дона и мой брат, а я устроил в его ресторане разгром. Сама как думаешь? Нужно его дожидаться или нет? Время проведём с пользой, не бойся. Я хочу засадить тебе прямо сейчас.

Мария фыркает и смачно ругается на итальянском. Характер у неё всё-таки буйный, но мне насрать на то, что она перечит сейчас. У меня дикий стояк и лишь одно желание. Так происходит всякий раз после того, как я убиваю.

– Да не задержит он нас надолго, не переживай, – усмехаясь. – Поорёт и выставит. С позором.

– Воодушевляет.

– Мария, закрой рот. У нас примерно полчаса, хватит болтать.

Толкаю её к стене и рывком стягиваю верх платья до талии, оголяя пышную грудь. Взгляд Марии темнеет и плавится. Она надрывно дышит, а когда я зажимаю её соски между пальцами, издаёт томный протяжный стон, который становится для меня спусковым крючком. Целую и кусаю соски, стискивая её сочные сиськи руками. Шикарные сиськи. Огромные. Не мой любимый размер, но сейчас мне плевать

на такие мелочи. Я хочу оттрахать её. Поиметь похлеще, чем в прошлый раз.

Жаль, поиграть с её дыханием не получится. Останутся следы, а этого допустить никак нельзя. Однако я всё же сжимаю нежное горло. Чуть-чуть. Чувствую под пальцами возбуждающее трепыхание пульса и сразу же отпускаю, чтобы не слететь с катушек окончательно.

Похоть растекается по венам. И без того напряжённый член наливается кровью ещё больше. Быстро проверяю, готова ли Мария принять меня. Готова. К чёрту грёбаную прелюдию. Я не влюблённый мальчик. Ей от меня тоже не надо этого дерьма.

Разворачиваю её, достаю презерватив, расстёгиваю брюки, спускаю их и надеваю защиту. Задираю подол платья. Мария упирается руками в стену, выгибается в поясице, и я вхожу в неё. Резко. Сразу. До упора.

В глазах вспыхивают тёмно-красные пятна, пот прошибает тело. Я отключаюсь от реальности и начинаю вбиваться в Марию в бешеном темпе. Она шипит и стонет, толкается бёдрами мне навстречу, течёт как заправская шлюха и требует ещё, ещё и ещё.

Дааа... Именно это мне сейчас и нужно.

Не люблю я благородных. Не люблю тех, что строят из себя недотрог. Не люблю неопытных и тех, кто не любит экспериментировать. Мне нравятся развратные женщины. Раскрепощённые. Те, которые не стесняются своих желаний. Не

привязываются. Умеют получать и дарить удовольствие. Выставляют свои прелести напоказ, чтобы я сразу мог оценить всю картину.

Самодостаточные стервы. Суки. Шлюхи.

Мне нравится трахать их, раздевать глазами, иметь жёстко и в любом месте. Быстро. Доступно. Так, как надо *мне*.

Мария вполне в моём вкусе. Насрать, что она жена Дона. Я не чту Омерту, не рвусь наверх, не лижу жопу Боссам и Донам. Я презираю всё, что связано с мафией, но тем не менее семью я не предаю никогда. И не подставляю. Не пойду поперёк.

Всю жизнь я пытался вырваться. У меня не получилось. И раз уж я варюсь в этом адовом котле, то хотя бы интенсивность кипения буду регулировать сам. Для этого нужно вписываться. Делать вид, что играешь по правилам. Но открою вам секрет: в моём мире нет никаких правил, кроме одного.

Не предавай *своих*.

В остальном – можно играть грязно, лгать, плести интриги, уводить сделки из-под носа у конкурентов, даже убивать. Не всех, но тех, кто стоит ниже меня – да. Если замахнусь высоко, меня самого порубят на куски. А жизнь не такой уж и отстой, знаете ли. Я нашёл в ней прелести.

Деньги, власть, шлюхи.

Примитивно?

Такой уж я стал. Мечтал я совсем о другой жизни, но моим мечтам не суждено было сбыться. Да и хер с ними. Мне

и так нормально. Сердца у меня всё равно давно нет, как и души. Просрал на старте.

Мария успевает кончить второй раз, прежде чем я обильно изливаюсь прямо в неё. Хвала презервативам, можно не вытаскивать и не трястись по поводу того, что подхватишь невесть что. Хотя латексный чехол не панацея. Проверяюсь я регулярно, а вот за других людей ручаться не могу.

– Какой же ты ублюдок, Дерек, – томно мурлычет она. – Но у тебя отличный член.

– Как будто ты многие опробовала, – усмехаюсь и выхожу из неё.

– Ты прав, у меня было очень мало мужчин. Но с тобой мне трахаться нравится. Однако, если ты женишься, – она поворачивается ко мне. – То есть: *когда* ты женишься, мы больше не сможем делать это. Муж не должен изменять жене.

– А то, что ты наставляешь Анхелю рога, тебя не смущает? Мария презрительно фыркает.

– Он мне не муж. Наш брак – это просто выгодный союз двух семей с перспективой рождения наследника. Анхель не очень старается заделать мне ребёнка, зато со своими шлюхами развлекается каждый день. В нашем доме. В нашей спальне. На моих глазах. Как думаешь, люблю ли я своего мужа? Уважаю ли? Да ни хрена! Ни одна женщина не потерпит такого отношения. Не потерпит измены. Я хочу, чтобы он сдох. Зря ты убил тех наёмников.

– Предпочла бы, чтобы они убили тебя?

– Не убили бы.

– Я действовал по приказу Лоренцо. Твои желания меня не волнуют.

– Знаю, – Мария подходит к столу, берёт пачку салфеток и начинает приводить себя в порядок. – Но иногда они совпадают с твоими. Я приду к тебе вечером. Если предложение ещё в силе, нужно им воспользоваться, пока ты не женат.

– Да, – усмехаюсь. – В силе. Захвати выпивку.

Мария кивает, поправляет платье и причёску. Едва я успеваю заправить рубашку в брюки, в дверь начинают ломиться. Это Роберто. Он материт меня на чём свет стоит и грозитя убить. Подхожу к двери, но, прежде чем открыть, поворачиваюсь к Марии и произношу:

– Я не собираюсь жениться. Мне не нужна жена. И дети не нужны. Срать я хотел на всё это дерьмо.

– Жизнь – штука непредсказуемая, Дерек. Никогда не знаешь, что ждёт за поворотом. Сегодня тебе это не нужно, но всё может измениться.

– Нет.

– Посмотрим. Зачем загадывать?

– Ты сама завела разговор про грёбаную жену.

– А ты чего так разозлился? – Мария издаёт смешок. – Выходит, тебе не всё равно. В общем, так: жёнушку свою ты будешь оберегать от всех и не станешь изменять ей. Однажды я захочу посмотреть на вас, не откажи мне в такой чести. И

ещё: если ты когда-нибудь изменишь своей жене, я расскажу о нас всем. Такие скандалы не имеют срока давности.

– Не расскажешь. Кишка тонка.

– Ой ли? Проверим? Попомни мои слова, Дерек: женщины не прощают предательства. В скором будущем я буду смотреть, как ты трахаешь свою жену, Дерек. И смотреть я буду, зная, что трахаешь ты *только* её. Это моё желание. Запомни его.

Чертыхаясь сквозь зубы и щёлкая замком. Стоит распахнуть дверь, Роберто сходу хватает меня за грудки и рычит в лицо:

– Ты... ты... Сукин ты сын!

– Отпусти.

Он матерится на итальянском, разжимает пальцы, отступает на два шага и бросает в сторону Марии:

– Мария, выйди, пожалуйста.

– Я останусь.

– Выйди! – рявкает Роберто.

– Нет. Наёмников послали за мной. Дерек вступился. Если бы не он, я была бы мертва. Думаешь, Анхель сказал бы тебе спасибо? Куча вооружённых до зубов людей заявилась среди бела дня в твой ресторан и устроила перестрелку. Это, ты считаешь, нормально? Куда смотрит твоя охрана?

– А где была твоя охрана, Мария? – Роберто прищуривается. – Зная о том, что за вами ведётся охота, ты свободно разгуливаешь одна. Или ты хотела встретиться с Дерекком?

Поэтому отпустила охрану? Нахрена вы закрылись здесь? Я о чём-то не знаю? А твой муж? Знает?

– Он знает про меня всё, – врёт Мария, не моргнув и глазом. – Охрану я отпустила, потому что хотела пообедать в одиночестве, без их назойливых взглядов. Я же не предполагала, что твой ресторан настолько опасное и незащищённое место! С Дерекком мы столкнулись случайно. Сюда ходят все наши. Что удивительного в нашей с Дерекком встрече? Он любит местную кухню. А я люблю красивые виды. Но, чёрт меня дери, Роберто! Я возмущена! Если бы не твой брат, из меня бы сделали решето. Больше ноги моей не будет в твоей забегаловке! Тебе придётся объясниться с Анхелем. Халатность и трусость твоей охраны привела к этому инциденту. Где они все были, пока мы с Дерекком палили из пушек? Где? А я скажу где! Твои люди наложили в штаны от испуга и слиняли в кусты. А, да! Почему мы закрылись здесь? Ради безопасности. Вдруг ещё десяток наёмников на подходе. Не провожай. Моя охрана меня встретит, их уже ввели в курс дела.

Мария выходит из кабинета с гордо поднятой головой, а я еле смех сдерживаю. Актриса, чтоб её.

– И давно ты с ней спишь? – рычит Роберто, стоит двери за Марией захлопнуться.

– Не понимаю, о чём ты.

– Не ври мне! Не ври, мать твою!

– Я никогда не вру, Роберто. Ты же знаешь.

– О, конечно! – орёт он и покрывается багровыми пятнами. – Тот Дерек, которого я когда-то знал, не врал, да. Но ты, – Роберто тычет в меня пальцем. – Кто ты вообще такой, твою мать?! Ты не считаешься ни с кем, играешь грязно, обманываешь, подставляешь. Мне смотреть на тебя противно! Больше ты не придёшь сюда. Только через мой труп.

Он ждёт, что я что-то отвечу, но я лишь усмехаюсь.

– Тебе смешно?! Ты угробил мою репутацию!

– Я не виноват, что они ввалились на твою территорию и открыли огонь.

– Хватит врать! Ты знал, что они придут. Я сам сказал тебе об этом. Память отшибло?

– Ты такого не говорил.

– Так напряги мозги и вспомни. Фраза «Наёмники, которые сейчас охотятся за Анхелем и его близкими, каждый день обедают в моём ресторане» ни о чём тебе не говорит?

– Я просто защищал Марию.

– А заодно разнёс мой ресторан и растоптал мою репутацию.

– Приказ Босса, ничего личного. Лоренцо возместит все убытки.

– Постоянных клиентов он тоже вернёт?

– Он будет покрывать разницу в доходе, пока ситуация не придёт в норму. К тому же Мария жива. Анхель поблагодарит тебя.

– Да ни хрена! Он поблагодарит тебя, а меня втопчет в

грязь! Его жену чуть не грохнули в моём ресторане! Какого чёрта она сюда заявила? Пулю словить?

– А кто виноват, Роберто? Все были в курсе охоты на Анхеля и Марию. Почему этих головорезов пропустили, если Мария была здесь? Да ещё и с оружием. Твоя охрана и правда сплеховала.

– Больше такого не повторится. Уж ты-то сюда точно не войдёшь. Выметайся! С глаз моих!

Продолжаю стоять на месте, и Роберто звереет окончательно:

– На хер вали! – он вытаскивает пистолет и наставляет на меня. – Проваливай, пока жив. Может, стоит сказать Анхелю, что ты трахаешь его жену? Тогда он сам тебя грохнет. У него будет причина похлеще моей.

– А у тебя какая причина?

Роберто издаёт дикий рык, чем выдаёт свои намерения. Уворачиваюсь от пули и начинаю ржать. Он отбрасывает пистолет, кидается на меня. Мы сцепляемся, но потасовка длится недолго. Валю Роберто на пол и придавливаю его горло локтем.

– Достаточно? – спрашиваю, пытаюсь сдержать улыбку.

– Слезь с меня, ублюдок, – хрипит он.

– Как скажешь.

Поднимаюсь на ноги, подхожу к столу и наливаю нам выпить.

– Даже не споришь с тем, что ты ублюдок. Когда ты успел

стать такой скотиной?

Пожимаю плечами, протягиваю ему стакан.

– У вас с ней серьёзно?

– Нет.

– Тогда нахера? Жить надоело? Неужели эта баба того стоит?

– Ты волнуешься за меня. Мило.

– Да пошёл ты, Дерек. И врагу не пожелаешь такого троюродного брата.

– Я тоже тебя люблю, Роберто.

– В моём ресторане ты больше не появишься.

– Как скажешь.

– И больше не будешь трахать Марию. Вообще к ней не подойдёшь.

– А вот это уже мне решать.

Глава 6

Мария не приехала ко мне, это я к ней поехал. Точнее – к Анхелю. Он пожелал лично выразить свою благодарность и пригласил меня на ужин.

И теперь я сижу и слушаю речь, которую он толкает уже минут пятнадцать. Всё сводится к описанию процветания наших семей. Разумеется, если мы будем сотрудничать.

Благосклонность Анхеля вернулась. Именно этого и хотел Лоренцо. Дело сделано.

– А теперь будь так любезен принять мой подарок, – произносит Анхель и поднимает бокал. – Отказов слышать не хочу. Я очень старался угодить тебе, Дерек. Учёл твои предпочтения. Надеюсь, ты останешься доволен.

– И какие же у меня предпочтения?

– Люди разное говорят.

– Например? – приподнимаю уголок рта и весь обращаюсь в слух. Иногда забавно послушать байки про себя.

– Говорят, что ты садист. Но этим рассказням я не верю.

– А чему ты веришь, Анхель?

– Тому, что ты любишь красивых шлюх и качественную порку. Я подобрал тебе несколько вариантов на ночь. Можешь выбрать любую. Хоть всех отлупи. Если сил хватит.

– Спасибо.

– Не благодари. Это самое малое, что я могу сделать. Ты

спас мою жену, — он делает глоток, смакует вино, смотря куда-то вдаль, затем переводит взгляд на меня. — Знаешь, владеть борделем очень удобно. Никогда не думал открыть свой?

— Как-то не задумывался об этом.

— У меня есть одна просьба, Дерек.

— Слушаю.

— Мария хочет посмотреть.

— В смысле? — мои брови взлетают вверх. Я правда удивлён. Мария, конечно, обожает наблюдать за другими, но она не увлекается темой.

— Ну ладно, — Анхель понижает голос до шёпота и склоняется над столом, приближая ко мне лицо. — На самом деле, мне просто нужно её сплавить. Ко мне едет Сара, и я был бы тебе очень благодарен, если бы ты занял мою жёнушку на всю ночь. Она очень нервно реагирует на моих любовниц. Так ты не против, если она присоединится к вам? Посидит в уголочке и посмотрит, — Анхель издаёт смешок. — Или всучи ей в руки плетё и научи бить как следует. Стрелять она умеет, а вот обращаться с ножами и кнутами — нет. Надо бы исправить это.

— Анхель, — прочищаю горло и делаю глоток вина. — Я, конечно, признателен тебе за доверие, но сегодняшнюю ночь я бы хотел провести без лишних глаз.

— Мария вам не помешает. Взамен на эту маленькую услугу я предоставлю тебе комнату, сохраняющую полную кон-

фиденциальность.

– Неужели не запишешь мои развлечения на камеру? – усмехаюсь.

– Нет, если ты против. К тому же там будет Мария. Никто не должен об этом узнать, так что пусть и доказательств не останется. Мало ли... попадут не в те руки, – Анхель ухмыляется. – Мария приедет туда отдельно от тебя. Инкогнито. Я отдаю свою жену под твою ответственность. Обратно вы приедете вместе. Сделай так, чтоб все подумали, что ты просто прихватил с собой понравившуюся девушку.

– Ты действительно думаешь, что никто не узнает её?

– А зачем ещё нужен вход для особых гостей? В моём заведении есть комнаты для своих. Ни видеонаблюдения, ни прослушки. Комната в твоём распоряжении, как и мои лучшие шлюхи.

«И твоя жена», – добавляю мысленно, ощущая напряжение ниже пояса. Как не вовремя! Не хватало ещё, чтобы Анхель что-то заподозрил.

– Ну так что, Дерек? Прикроешь меня?

Ему и правда на неё плевать. Однако стоит быть осторожнее, вдруг это просто проверка. Выдерживаю паузу, словно взвешиваю все «за» и «против», только потом сдержанно произношу:

– Хорошо. Мария может посмотреть. Но пусть не вздумает отвлекать меня. Я не шучу, Анхель. Во время сессии меня порой заносит. Если твоя жена полезет под горячую руку...

– Понял, понял, – Анхель кивает. – Прикажу ей сидеть тихо. Как мышь. Мария мешать не будет, слово даю.

Ага, слово он даёт. Будто не знает характер Марии. Сидеть смирно она точно не станет, даже несмотря на приказы. Нужно будет убедиться, что в комнате и правда не ведётся наблюдение.

Анхель переключается на нейтральные темы, и я немного расслабляюсь. Спустя минут сорок-пятьдесят он провожает меня к машине, говорит, что Мария уже ждёт на месте, и желает мне хорошо провести время.

Разумеется, время я проведу отлично.

До пункта назначения доезжаем быстро. Автомобиль останавливается в тихом закоулке, меня провожают к чёрному входу и передают на попечение управляющего. Он сам лично сопровождает меня в отданные мне на ночь апартаменты, сообщает, что девушки ждут за дверью напротив, а также о том, что весь этаж в моём распоряжении, затем удаляется.

Само собой, я сразу проверяю помещение на наличие жучков и видеонаблюдения. Хоть Анхель и сказал, что всё чисто, однако я ему не верю. Я никому не верю.

Ничего не нахожу, но это ещё не значит, что здесь и правда чисто. Приборов обнаружения у меня с собой нет, а без них заметить жучок или скрытую видеокамеру бывает невозможно.

Надо сказать, тут весьма недурно. Спальня, игровая и ван-

ная комнаты. Всё оформлено в чёрно-красных тонах. Кожа, дерево, атлас. Стандартно, но при этом не безнадёжно пошло. В принципе, все подобные места чем-то похожи друг на друга. Красные стены, чёрный пол и потолок, в ванной красная плитка и чёрная ванна. Есть также открытый душ.

Большой кожаный чёрный диван, огромная кровать, высоченный Андреевский крест, внушительных размеров БД-СМ-кресло. Остальные приспособления не менее огромны. У кого-то что, комплекс неполноценности?

Открывается дверь, сзади доносятся шаги, острые ноготки касаются шеи.

– Не хочешь выбрать девушку? – шепчет Мария. – Они тебя ждут.

Мне хочется ответить ей, что я уже выбрал, и отыметь её же сию минуту. Но пора это прекращать. Она жена Анхеля. Наша связь рано или поздно раскроется. Однако дело даже не в этом. Нужно обрубить всё, пока меня на ней конкретно не заклинило. Уж не знаю, что такого в этой стерве, но хочу я её просто дико. Запретный плод и правда сладок.

Сбрасываю её руки и холодно произношу:

– Тебе велено сидеть и помалкивать, так что сядь и молчи.

– Да, господин, – отвечает она с плохо скрываемой насмешкой, чем бесит меня до белого каления и заставляет желать её ещё сильнее.

Мария отходит в глубь игровой комнаты, садится на диван и набрасывает на голову капюшон. Плащ скрывает её фигуру

и лицо. Теперь я и сам бы не узнал её, если бы не знал, что это она.

Раздеваюсь, оставляя только брюки, и вновь обращаюсь к Марии:

– Я говорю серьёзно, Мария. Тебя здесь нет. Ни звука. Поняла меня?

– Разумеется, – фыркает она. – Развлекайся. Всегда хотела на это посмотреть.

– Всегда?

– С того момента, как узнала, что тебя на самом деле привлекает.

– Хорошо, – мои губы растягиваются в улыбке. – Сейчас увидишь.

Она остаётся, а я покидаю апартаменты и захожу в дверь напротив. Однако, Анхель не обманул. Тут собрался целый гарем, по-другому и не скажешь. Блондинок и рыженьких я отсеиваю сразу. Интересуют меня только темноволосые. Отчасти потому, что именно они привлекают меня больше других. Но в основном дело в Марии. Пусть смотрит и проецирует на себя. А я буду представлять её на их месте.

Мария никогда не отдаст мне своё тело в стопроцентное пользование. И это ещё одна причина, чтобы всё прекратить. Зачем мне женщина, которая не разделяет мои увлечения?

Возвращаюсь я в сопровождении двух обнажённых брюнеток. На глазах у них повязки. Не просто мера предосторожности, но и моя прихоть. Мария словно понимает это и

презрительно фыркает. *Не нравится, крошка? А ведь это только начало. Сама хотела увидеть эту мою сторону, так смотри.*

Аккуратно веду одну из девушек к Андреевскому кресту и заковываю в цепи. Провожу пальцем вниз, касаюсь клитора, раздвигаю половые губы. Сухо. Пусть пока постоит и послушает. Если услышанное не возбудит её, она уйдёт без сладкого. Насильно принуждать девушек к чему-либо, волочить за ними, добиваться их расположения или из кожи вон лезть, пытаясь пробудить в них желание – не в моих правилах. Дохрена желающих оказаться на месте этой брюнеточки. А уж на месте Марии – и того больше. Я уже решил, что сегодня порву с ней. Хотя, возможно, и не придётся. Грядущее представление всё сделает за меня.

– Подождёшь немного? – шепчу в открытый пухленький ротик.

Девушка кивает, ловя моё дыхание.

Вторую свою находку я усаживаю на седалище и наклоняю таким образом, чтобы голова находилась как раз на уровне моего паха. Связываю девушке руки за спиной и огибаю её. Она втягивает воздух ртом, кусает нижнюю губу и тихонько стонет. Пышная грудь вздымается от частых вдохов, соски возбуждённо торчат. Прекрасное зрелище. Она в предвкушении. Ей нравятся такие игры.

– Красивая, – произношу и шлёпаю её по щеке, вызывая громкий стон.

Девчонка елозит по кожаному сиденью, оставляя влажный след. Сука... Стояк зверский. Того гляди брюки лопнут. Наклоняюсь и, обхватив её затылок, грубо целую девушку. Чёрт... Эти губы нужны мне в другом месте. Причём срочно.

Когда она берёт у меня в рот, я сотрясаю воздух отборным матом и начинаю вдалбливаться в тесное влажное пространство, напрочь позабыв и о Марии, и вообще обо всём. Девчонка сосёт просто отлично. Хлюпающие и чавкающие звуки наполняют помещение, пропитывают его запахом секса, и мозг отключается, уступая место животным инстинктам.

Не забочусь ни о её комфорте, ни о её удовольствии. Я пришёл сюда скинуть напряжение. Брать, а не отдавать. Вот это мне и нравится в шлюхах. Их заводит такое потребительское отношение. Девчонка просто огонь. Я б ещё с ней поразвлёлся. Наедине.

Но тут происходит странное.

Наблюдаю, как Мария садится позади брюнеточки. Платье Мария скинула, а под ним ничего нет. Она откидывается чуть назад, выставляя роскошную грудь на обозрение, проводит по ней острыми ноготками, цепляет соски, насмешливо смотря мне прямо в глаза, и я с глухим стоном изливаюсь брюнетке в рот.

– Ты красивая, – шепчет Мария, пока я застёгиваю брюки. – Как тебя зовут?

– Бьянка.

– О, *bellezza*. [*красавица; итал.]

Кажется, Мария приревновала меня к ней. Не на такой эффект я рассчитывал, но в данный момент мне совершенно плевать. Сейчас меня волнует совсем другое. Беру в руки стек и направляюсь ко второй девушке.

– Ну как ты тут, детка?

Легонько шлёпаю наконечником стека по её щеке. Вижу, как девчонка напрягается, вздрагивает всем телом, натягивая цепи, которые удерживают её руки и ноги в разведённом положении.

– Хорошо, – сдавленно выдыхает она.

Веду стек по груди, очерчиваю ареол соска, отвожу стек, а затем хлёстко ударяю по нежной коже. Девчонка снова вздрагивает и шумно дышит, но отнюдь не от возбуждения. Ни хрена ей не хорошо. Ей страшно. А страх я чувствую за километр. И в данный момент не он мне нужен.

– Тебе не нравится.

– Всё хорошо, – повторяет она свою заведённую пластинку.

Наклоняюсь к её лицу и еле слышно произношу:

– Не ври мне.

Её губы подрагивают, на лбу проступает испарина, а из-под маски стекают ручейки слёз.

– Мне правда нравится, – шепчет девчонка. – Продолжайте, господин.

Отбрасываю стек, освобождаю девушку и тяну за собой прочь из апартаментов. Она всхлипывает, спотыкается, цеп-

ляется за мою руку, но не отстаёт ни на шаг несмотря на то, что глаза у неё завязаны.

Лишь когда мы выходим на остеклённую террасу, я снимаю с девушки повязку. Подвожу дрожащую от страха девчонку к диванчику и велю сесть на него. Наливаю нам выпить, протягиваю ей рокс и присаживаюсь напротив.

– Рассказывай.

– Ч-что рассказывать? – она непонимающе хлопает огромными голубыми глазищами.

Подаюсь вперёд, касаюсь её щеки, и девчонка еле сдерживается, чтобы не шарахнуться от меня. Забавно.

– Я вижу, что ты не шлюха. Так какого чёрта ты тут забыла?

– Почему вы так решили? Я именно такая, – врёт, густо краснеет и облизывает губы. Наверное, ей кажется, что она делает это развратно и сексуально, но на деле выходит просто нелепо. – Люблю секс и деньги, поэтому работаю здесь.

– А я люблю, когда мне говорят правду.

– Это правда.

– Разве? Пей.

Пока она, морщась и откашливаясь, выпивает свою порцию виски, я успеваю приговорить четыре. Разглядываю девушку, всё больше убеждаясь в том, что она соврала мне. Добрый и открытый взгляд, смущённая улыбка, скованность в движениях и полное отсутствие понимания того, как должна вести себя женщина, работающая в таких местах. Нет, она

не шлюха. Слишком чистая и наивная. Плевать, что работает здесь. Дело вообще не в этом.

– Как ты попала сюда?

Девчонка в испуге оборачивается назад и бросает взгляд в камеру, а я закатываю глаза.

– Говори правду, или будет очень плохо.

– Тут камеры, – шепчет она и отставляет рокс, который я сразу же наполняю. – Может, я лучше сделаю вам приятно, – девчонка скатывается с дивана, подползает ко мне, вклинивается между ног и тянется руками к ширинке, не сводя взгляда с моего лица.

Внутри начинается нехилая такая борьба. Одна часть меня хочет поймать этот сладкий ротик, а вторая – отпихнуть девчонку подальше, выкупить, забрать отсюда, а потом сделать так, чтобы никогда не касалась этой грязи.

И уж тем более не касалась меня, даже если придётся сделать ей больно. Я порчу всех и всё, что меня окружает. Поэтому и общаюсь только с теми, кто и без моей помощи давно прогнил насквозь. И хожу только туда, где всё пропитано алчностью и пороком. Так проще.

Не могу я находиться рядом с теми, в ком света больше, чем тьмы. Сразу ощущаю себя полнейшим дерьмом. Хорошие, неиспорченные – не моя тема. Вот я и обхожу их стороной. Может, я и ублюдок, но не до такой степени, чтобы втягивать кого-то в это грязное, до дна прогнившее болото.

– Считай, что моё желание – это поговорить начистоту.

Хватаю девчонку за затылок и рывком тяну на себя. Она спешно поднимается на ноги и шлёпается на мои колени. Лицом к лицу.

– А я ощущаю другое, – выдыхает она, обхватывает мою шею руками и с нажимом трётся промежностью о дикий сто-
як. Сучка. Может, не такая уж она и хорошая?

Внешность бывает обманчива, да. Но глаза врать не могут. Девчонка переступает через себя, проделывая всё это. Однако исполняет она сейчас славно. Если продолжит, то спущу прямо в штаны.

Треклятые брюки...

– Так как ты попала сюда?

– Отец задолжал Анхелю кучу денег, – едва слышно произносит она. – Предал. Сбежал из страны. Не знаю даже, жив ли он. Возможно, его давно нашли и убили.

– А ты до сих пор расплачиваешься.

– Я привыкла, – в её глазах мелькает грусть, но быстро исчезает. – Научилась. Я способная.

– Да, вижу, – ухмыляюсь, борясь с желанием взять её жестко. Сучка возбудила меня не на шутку. И продолжает это делать. – Но ты не шлюха. Пока нет. Но станешь, если останешься здесь. Я могу выкупить тебя. Уедешь, начнёшь всё заново.

– Не получится, – она горько улыбается. – Я любимая игрушка Анхеля. Он не отпустит.

– Анхель мне должен.

Девчонка лишь мотает головой, не прекращая елозить на мне.

– Ему плевать на ваши деньги, хоть миллиард долларов за меня предлагайте – не возьмёт. Он только взбесится. Вам он ничего не сделает, а на мне отыграется.

– Каким образом?

Она молчит, но я и так понимаю. Вот почему она тряслась даже от лёгких ударов стека.

– Я поговорю с ним.

– Не надо, пожалуйста! – охает девчонка, замирает и смотрит с неподдельным ужасом. – Пожалуйста... Я... Мне не нужно было ничего говорить. Позвольте, я просто выполню свою работу. Я хорошо это делаю, все остаются довольны. Возможно, однажды Анхель оценит мои старания и заберёт отсюда, даст мне другую работу.

Мягко сталкиваю её с колен, поднимаюсь на ноги.

– Считай, что сегодня у тебя выходной. И ещё. Запомни. Если метишь высоко, купи поджопник. Падать придётся много раз. Это жестокий мир, детка. Очень жестокий.

Быстро покидаю террасу, стараясь не думать об отчаянии в распахнутых голубых глазах. Всех не спасёшь. Наш мир и правда отстой. И она права. Если я заведу разговор о ней, то нет гарантий, что Анхель отреагирует адекватно. Он повернутый на контроле садист и вполне может избить девчонку до полусмерти, если я заикнусь о её свободе. Если она и правда его любимая игрушка, он не отпустит её, сколько

бы денег я ни предложил. Эту девушку не вытянуть отсюда. А жаль. Она хорошая. Пока ещё хорошая. Могла бы жить себе спокойно, выйти замуж, родить детей. Но девчонке не повезло с семьёй. Как и мне. И закончим мы с ней весьма печально.

Врываюсь в апартаменты и застаю странную картину: Мария и Бьянка оживлённо о чём-то болтают и смеются, лёжа на кровати. При виде меня Бьянка немного тушуетсся, а Мария не ведёт и бровью. Кто бы сомневался. Но если она думает, что своим игнором сможет испортить мне вечер, то сильно ошибается.

Стаскиваю брюки, беру с тумбочки смазку и упаковку презервативов, извлекаю один и натягиваю, затем забираюсь на постель. Бьянка обнимает меня сзади и целует в шею, но сейчас я хочу ту, что под запретом. Тяну задницу Марии вверх, обильно смачиваю желанную дырочку и медленно погружаюсь туда. Плевать на камеры, даже если они тут есть, а я не заметил. Анхель сам её под меня подложил.

– Ты животное, Дерек, – шипит Мария, извиваясь под мной.

– И тебе это нравится, не ври, – чеканю, вбиваясь в неё мощными ударами.

– О, да, – довольно мурлычет она. – Сильнее, Дерек. Ещё, чёрт возьми!

Мария больше не пытается притворяться и полностью отдаётся процессу. Вот поэтому мне и нравятся шлюхи. Не

проститутки, а именно шлюхи. Неважно, берут они за секс деньги или нет. Для меня слово «шлюха» не ругательство, не обозначение профессии. Называя их так, я и в мыслях не держу как-то их оскорбить. Наоборот. Из моих уст это комплимент.

С женщинами, которые любят секс, всё просто. Понятно. Легко.

Не нужны мне хорошие и благородные. Нахер. Никогда с такой не свяжусь.

Глава 7

Наблюдаю, как выравнивают землю, снимаю солнцезащитные очки и оглядываю собравшихся. Сегодня все в чёрном. Как и положено на похоронах.

Я говорил, что недалёковидность и заносчивость Лоренцо обернутся для нашей семьи проблемами. И я был прав. Анхель не перешёл на нашу сторону, он лишь делал вид, пока ему это было выгодно. А как только выгода испарилась, наладил отношения с теми итальянскими кланами, которые жаждут крови Савиано. Кстати говоря, за эти три года мы успели поднасрать и некоторым сицилийцам. Само собой, и они в долгу не остались. Сначала было два покушения на Эда, а теперь убили Генри, подручного Лоренцо.

И это только начало. Мафиозные разборки кровавы и напроць лишены хоть какого-то понятия чести. Если кто-то думает иначе, пусть сожрёт свои ботинки. Омерта писалась не ради того, чтобы сильные этого мира соблюдали её законы. Верхушке мафии никакой закон не писан, даже их собственный. А вот те, кто стоит на нижних ступенях, вынуждены соблюдать эти правила. Разумеется, перед судом мафии все равны. Хоть ты солдат, хоть Босс или Дон, ты всё равно вынужден играть по правилам, чтобы дольше оставаться живым и невредимым. Однако, если ты умён и хитёр, ты всегда найдёшь способ их обойти.

Поступать по совести или действовать грязно – выбор всегда только за тобой. В нашем мире можно всё. Но вот что тебе за это будет – это уже совсем другая история.

В мире мафии есть только два непреложных закона.

Первый: «Кровь за кровь». Собственная честь и репутация семьи – превыше всего.

Второй: «Никогда не братайся с федералами и полицией, никогда не рассказывай про дела тем, кто не входит в наш круг». Если уличат в подобном, то быстро насадят на нож. Чужаков здесь не любят. Предателей – тем более. Ещё ни одной крысе не удалось уйти из нашего мира живой.

– Через двадцать минут у меня в кабинете, – тихо произносит Лоренцо и направляется в сторону особняка.

Все потихоньку разбредаются, а я всё стою и наблюдаю, как на свежую могилу устанавливают плиту. Зачем? Всё равно завтра никто и не вспомнит о том, что здесь погребён Генри. Ни родных, ни близких у него не было. Он отдал всего себя на служение Савиано.

И обо мне так же забудут. У меня ведь тоже никого нет. Да, двадцать восемь – это совсем ещё не возраст. Но сейчас я ощущаю себя одиноким стариком. Может, Мария была права, когда сказала, что однажды всё изменится, и я захочу обзавестись женой? Наверное, приятно, когда тебя ждут, радуются твоему возвращению...

Нет. Хрень это всё.

Интересно, как там Мария? Не видел её уже три года. Вче-

ра до меня дошли слухи о смерти её ближайшей подруги. Наверное, нужно позвонить и выразить соболезнования, однако я знаю, что Анхель теперь контролирует каждый её шаг. Мой звонок не останется незамеченным, а я не хочу создавать Марии лишние проблемы. Ей и так сейчас несладко. Душевная боль куда сильнее физической. Она убивает изнутри. Вот поэтому мне и не нужно этого дерьма. Я никого не люблю, мне некого и нечего терять. И меня это вполне устраивает.

– Дерек, – Эльза мягко касается моего плеча, и я разворачиваюсь к ней. – Пойдём в дом?

В её взгляде столько тепла, что моё чёрствое сердце на секунду сжимается. А ведь я соврал. Мне есть кого терять. И я люблю. Её и Эда. Они мне как родные. Я за них порву кого угодно.

Мы долгое время идём в тишине, и лишь на подходе к особняку Эльза останавливает меня, заглядывает в глаза и шепчет:

– Будь осторожен, ладно?

– Я всегда осторожен, – улыбаюсь и бережно провожу пальцами по её щеке. Эльза выглядит встревоженной, хочется как-то её успокоить.

– Врёшь, – она перехватывает мою руку и сжимает. – Я так боюсь за тебя, Дерек.

– Да в чём дело, сестрёнка?

– Просто обещаю мне... Нет. Поклянись, что будешь осто-

рожен.

– Клянусь.

– Я серьёзно, Дерек.

– Я тоже. Вполне. Зачем мне зря рисковать своей шкурой?

– А разве риск бывает оправдан?

Пожимаю плечами, устремляю взгляд вдаль и глубоко вздыхаю.

– Дерек, – Эльза дёргает меня за рукав, заставляя вновь обратить внимание на неё, затем берёт мои ладони в свои и шепчет: – Если вдруг твоё чутьё подскажет, что лучше не лезть, отойти в сторону, залечь на дно, отсидеться, не поехать куда-то, не выполнить приказ и так далее, послушай его.

– Эль, ты меня пугаешь. С тобой всё в порядке?

– Со мной – да.

– Тогда что за нытьё ты тут развела? Я не собираюсь по-дыхать ещё очень долго. Успею тебе надоесть, не переживай.

– Просто вернись, пожалуйста.

– Я никуда не уезжаю.

Она качает головой и опускает глаза. Ясно. Эльза что-то знает. Видимо, и я вскоре узнаю. *Не выполнить приказ...* Ох, Эльза, Эльза. Она в курсе, куда и зачем меня хочет отправить Лоренцо. Что ж. Пора и мне это выяснить.

Наклоняюсь и целую её в лоб.

– Я буду очень осторожен, обещаю. И я вернусь, вот увидишь.

Она кивает, не поднимая глаз, из которых льются слёзы, и отпускает мои руки. Значит, дело правда пахнет жареным. Ладно. Мне не привыкать. Я не сдохну. Не могу же я обмануть Эльзу. Она мой единственный лучик света в этом тёмном болоте. Всегда помогала и поддерживала. Без неё я бы не выжил.

Когда я захожу в кабинет, Лоренцо жестом велит мне сесть в кресло. Присаживаюсь и терпеливо жду, когда он закончит изучать документы.

– Вылет через три часа, – произносит Лоренцо, завершив возню с бумагами.

– Куда?

– А сам как думаешь? – он усмехается.

– Понятно. Я должен устранить тех, кто убил Генри, и подручных тех семей, которые наняли наёмников. Кто они и где сейчас находятся? Италия? Сицилия?

– Исполнители утром были замечены в Джоя-Тауро.

– Ну супер. Потом заскочу к Роберто. Дай мне информацию на всех, кого нужно убрать, ознакомлюсь в самолёте.

Порываюсь встать с кресла, но Лоренцо жестом останавливает меня.

– Дерек, – он делает паузу и вздыхает. – Никто не должен знать о твоём визите. Убрать нужно только наёмников, никого из семей не трогай. Когда всё будет сделано, сразу же возвращайся.

– Мы мстим инкогнито?

Повисшее молчание озадачивает. Неужели у нашей семьи *настолько* серьёзные проблемы? О чём я не знаю?

– Просто будь осторожен и сделай всё чисто. Не светись, – Лоренцо протягивает мне конверт. – Здесь их фотографии и досье.

– Разве я когда-то разбрызгивал грязь?

Просьба Лоренцо настолько огорошила, что я сходу вскрываю конверт и вытряхиваю содержимое на колени. Трое наёмников мне хорошо знакомы, а вот четвёртая... девочка. Совсем молоденькая. И её я ведь тоже знаю. Та самая недошлюха из борделя Анхеля, которую я пожалел и даже хотел выкупить.

– Кто она? – спрашиваю, не подавая виду, что узнал её.

– Протеже Анхеля. Все четверо работают в связке. Она выполняет функцию приманки, а остальные трое...

– Понял, – перебиваю его, забрасываю всё обратно в конверт и поднимаюсь на ноги. – Всю информацию детально изучу во время полёта. До скорого, Лоренцо.

– Дерек! – окликает он меня, когда я уже берусь за ручку двери.

– Что-то ещё? – оборачиваюсь и смотрю ему в глаза.

Молчаливый зрительный контакт длится слишком долго. Я уже собираюсь покинуть кабинет, не дожидаясь новых указаний, как вдруг губы Лоренцо дёргаются, и он отчеканивает ледяным тоном:

– Вернись живым и невредимым. Это приказ.

– Да, Босс.

Глава 8

Италия, ох, Италия. Люблю тебя и ненавижу. Чего тут только не было. И разврат, и попойки, и убийства, и даже ранение, от которого я едва копыта не откинул. Чую, не сегодня, так завтра мою шкуру вполне могут продырявить ещё раз.

Те трое наёмников – не лохи и не дилетанты. Справиться с ними в одиночку будет непросто. Если, конечно, не прирезать их во сне или не застрелить во время пьянки. А что? Я один, а их трое. Учитывая, что проверить всё нужно, не привлекая внимания, мне не до честных методов. Так что придётся наведаться к ним домой и дожидаться подходящего момента.

Что делать с девчонкой, я пока не решил. Разберусь на месте. Ну не убивать же её.

В борделе она больше не работает, хотя Анхель её периодически навещает. Кстати, её зовут Лейла. Она снимает квартиру в Джоя-Тауро и находится на побегушках у тех троих. Они живут в соседней квартире. Неужто не только убивают вместе, но и в гости друг к другу ходят? Давненько я здесь не был. Столько новостей.

Перепроверяю оружие и покидаю паршивый мотель. Шиковать и светиться в приличных местах нельзя, я прилетел инкогнито. Никто не знает, что я тут уже почти сутки, пусть

так и останется.

Под покровом ночи до места я добираюсь быстро и никем незамеченный. Калитка при входе на территорию дома не заперта. Какой я, однако, везучий.

Сначала проверяю квартиру Лейлы. Надеваю перчатки, вскрываю замок, проникаю внутрь и бесшумно закрываю дверь. Почти сразу понимаю, что тут никого нет. Зато в соседней квартире – настоящее веселье. Слышу даже через стенку. Три мужских голоса и женский. Они там все вместе, и Лейла, вероятно, с ними. Вот и подходящий момент.

Путь туда только один – через балкон. Быстро оцениваю расстояние и через пару минут уже сижу на соседнем балконе. Заходить к ним в квартиру я не тороплюсь. Сейчас ожидание мне на руку. Чем больше алкоголя они в себя вольтят, тем легче будет с ними справиться, не наделав много шума.

Как быть с девчонкой – до сих пор не придумал.

Музыка становится громче, а пьяные разговоры – откровеннее. За время, проведённое в тени занавесок, я успел понять, что Лейла зажигает с одним из трёх наёмников. Интересно, у них серьёзно или это просто пьяный флирт со всеми вытекающими? В любом случае вряд ли она скажет мне спасибо, когда я их убью. Вряд ли пойдёт со мной по доброй воле. Остаётся только надеяться, что меня не ранят, и я смогу унести её отсюда, не причинив ей вреда.

Пора.

Прикручиваю глушитель, поднимаюсь на ноги и захожу в

квартиру. Два тихих быстрых выстрела – два трупa. Кто ска- зал, что стрелять в спину – это подло? Иногда это наилуч- ший вариант. А иногда и единственный возможный.

От вида крови внутри поднимается волна жара, затем ме- ня обдаёт холодом. Перед глазами проносятся воспомина- ния, забрызганные кровавыми пятнами. Пятна расползают- ся, застывая собой всё, в глазах на несколько секунд мутнеет, пот прошибает тело, и я выпадаю из реальности, оказавшись затынут в водоворот прошлого.

Мне быстро удаётся стряхнуть с себя оцепенение, но всё равно это плохо. Нельзя цепенеть. Нельзя позволять этому управлять мной. Повезло, что музыка заглушает все звуки. Иначе моё замешательство могло стоить мне жизни. Но я до сих пор остаюсь незамеченным. Лейла в кружевном лифе и микроскопических шортиках сидит верхом на своём любов- нике. Они расположились на диване и так самозабвенно це- луются, что для них не существует ничего вокруг.

Огибаю диван, приставляю дуло к затылку мужчины. Дальше всё происходит быстро, однако в такие моменты вре- мя для меня будто замедляется. Я уже убил двоих, справил- ся с оцепенением, теперь мои реакции обострены, а вот вос- приятие реальности всё ещё искажено. Для меня сейчас нет людей вокруг. Только объекты, которые я должен устранить.

Мужчина спихивает с себя Лейлу, вскакивает на ноги и разворачивается, но махнуть, сделать выпад в мою сто- рону или достать пистолет не успевает. Пуля уже вошла в

сердце. Наблюдаю, как тело падает на пол, затем перевожу взгляд на девушку. Вроде бы ей вредить я не собирался. Вроде бы... Да. Так и было. Убираю пистолет и демонстрирую ей поднятые руки, давая понять, что угрозы для неё я не представляю.

Она смотрит на меня затравлено и сжимает складной нож в руке. До двери Лейле не добраться, однако глаз я с неё всё равно не спускаю. Убавляю громкость, но не выключаю музыку. Вдруг девчонка вздумает орать.

– Тихо, спокойно, – приближаюсь к ней медленно, держа руки поднятыми. – Я не собираюсь тебя убивать.

– Да неужели? – фыркает она, стреляя глазами то на меня, то на дверь.

– Слово даю, ты останешься жива. Всё будет хорошо. Я помогу тебе покинуть страну и залечь на дно.

– В подвале спрячешь? – Лейла издаёт нервный смешок и пятится к стене.

– Сменила причёску? – перевожу тему, разглядывая дерзкое рваное каре и подбираясь всё ближе.

Ответом мне служит отчаянная попытка атаковать меня. Как глупо... А я ведь правда хотел по-хорошему.

Скручиваю девчонку и прижимаю спиной к себе, ощущая нехилое такое возбуждение. Как некстати, однако. Почему я не могу просто убить и никого не трахнуть? Точнее – могу. Но не тогда, когда рядом находится женщина. Тем более такая красивая. И порочная. Лейла сильно изменилась, теперь

она вполне в моём вкусе.

Нож всё ещё в её руке, но удар нанести она не сможет. Ощущение опасности, перемешанное с адреналином, хлынувшим в кровь, вкус и запах убийства, полуголое тело в моих руках... Всё это снова туманит перевозбуждённый мозг. Надо уходить отсюда, иначе поймаю Лейлу прямо рядом с трупом любовничка.

– Не ори, – шиплю ей на ухо.

– А то что? – задыхаясь, пищит она. – Шею свернёшь?

– Сказал же: не трону. Ты не помнишь меня?

Лейла перестаёт брыкаться, и я слегка ослабляю хватку.

– Помню.

– Значит, должна понять, что я тебе не наврежу. Отдай нож, Лейла.

Ожидаю возражений, но она послушно отдаёт его мне. Складываю, убираю в карман, разворачиваю девушку к себе. Подхватываю пальцами её подбородок и задираю голову, заставляя посмотреть мне в глаза.

Она не просто изменилась. Нет больше той Лейлы, которую я встретил три года назад. Хотя чему тут удивляться? Человек способен на многое ради выживания. Подстраиваться, переступать через себя, лгать, меняться, предавать, даже убивать.

Новая Лейла может с лёгкостью дать мне то, что я хочу. И я возьму, если она сама предложит или будет не против. Силой брать нельзя, я ведь обещал ей, что не трону. А для

того, чтобы справиться с порывом, нужно немедленно уйти отсюда.

– Идём, – тяну её за руку прочь из этой кровавой бани.

Выходим на лестничную площадку, и я велю Лейле открыть дверь в свою квартиру.

– Зачем мы зашли сюда? – тихо спрашивает Лейла, едва мы оказываемся внутри.

Здесь не воняет кровью, и я немного прихожу в себя. Возбуждение всё ещё доставляет ощутимый дискомфорт, но, по крайней мере, в голове слегка проясняется. Навязчивая мысль поймать Лейлу посреди кровавого побоища уходит на второй план.

– Собери вещи. Только самое необходимое.

– И что дальше?

– Делай, что говорю.

Лейла направляется в спальню. Держусь на расстоянии и не свожу глаз с девчонки. Мало ли что она может выкинуть. Однако, вопреки моим ожиданиям, Лейла достаёт небольшую дорожную сумку и быстро швыряет в неё вещи. Закончив, подходит вплотную ко мне и произносит, смотря прямо в глаза:

– Я готова.

– Хорошо, идём.

– Может, сначала решим нашу общую проблему? – её ладонь накрывает член. – Нам же некуда спешить, – Лейла соблазнительно улыбается. – Почему бы не порезвиться?

Она сжимает каменный стояк, и я стискиваю зубы. На самом деле, нам есть куда спешить, но быстрый перепих не займёт много времени. Мне нужно всего лишь сбросить напряжение, на её удовольствие в данный момент насрать. Однако что-то тут нечисто. С чего такая резкая перемена? Перехватываю запястье Лейлы и шиплю:

– В чём подвох?

– Никакого подвоха, – отвечает она, глядя мне прямо в глаза. – Ты обломал мне веселье. Так компенсируй. Тем более ты хочешь, я чувствую.

Лейла поднимается на носочки, обвивает мою шею руками и целует в губы. Страстно. Похотливо. Испуская громкие стоны в мой рот.

– Трахни, – шепчет она мне в губы, царапает ногтями кожу, скользит ладонями по моей спине, трогает меня за задницу и вновь сжимает член через брючную ткань. – Ты же хочешь поиметь меня. Или хочешь, чтобы я всё сделала сама? Я могу. И я хочу. Позволь получить обоюдное удовольствие, и мы уйдём отсюда. Так что скажешь?

Я киваю, перестав бороться с похотью, окутавшей тело. Лейла тянет меня к кровати, толкает на неё, быстро избавляется от одежды, спускает с меня брюки и садится сверху. Улыбаясь, она берёт с тумбочки презерватив, вскрывает упаковку, проворно раскатывает его, насаживается на член и начинает скакать на мне, демонстрируя шикарные навыки.

Сжимаю её бёдра и жмурюсь от удовольствия. Девчонка

знает толк в сексе, а я до того взвинчен, что даже не пытаюсь себя сдерживать и кончаю довольно быстро. И, разумеется, в момент, когда я захлёбываюсь оргазмом, Лейла со всей дури вонзает мне в грудь нож. Вот и верь после этого женщинам.

Я должен был понять, что она что-то задумала. Должен был. Но временами мой мозг работает плохо, и дело вовсе не в том, что у меня встал на неё. Строго говоря, даже не на Лейлу, а просто встал. Потому что я вновь измарал руки в крови. Это моё проклятье. Во время и после убийств инстинкты обостряются, и я ощущаю себя больше животным, чем разумным человеком.

Лейла вытаскивает лезвие, поднимает руку и отводит назад, замахиваясь снова. Ещё одна рана вполне может прикончить меня. Но сейчас меня больше пугает другое. Время вновь замедляет свой бег, тьма сгущается вокруг, и моё сознание начисто отключается. Я больше не вижу Лейлу. Лишь угрозу, которую нужно устранить. Любой ценой.

Мои руки смыкаются на её горле прежде, чем она успеет нанести второй удар. В ушах раздаётся смех Лоренцо, на губах чувствуется привкус крови. Я снова в грёбаном подвале. На цепи. Здесь темно и сыро. Вокруг кровь. Моя. Лоренцо подходит ближе и выплёвывает мне в лицо:

– Без меня ты никто, щенок, запомни это. Уясни уже наконец: я могу размазать тебя о стену, если захочу. Могу придушить во сне, если будешь мне перечить. Могу забить до смерти. И забью, если...

– Так давай, – хриплю, глотая кровь. – Убей уже. А то всё только грозишься.

Удар приходится прямо в лицо, а следом – в солнечное сплетение. Рука у Лоренцо тяжёлая, а я уже был избит, поэтому сразу валюсь на пол. Лоренцо орёт что-то, но я не могу разобрать слов из-за гула в ушах. Меня рвёт на каменный пол, а затем протаскивает по нему – через рвоту, грязь и кровь. Лоренцо тянет цепь снова и снова, сдирая мне кожу о неровные каменные плиты. Ошейник впивается в горло, отрубая доступ кислорода, и я задыхаюсь, а Лоренцо продолжает орать и яростно пинает меня. Даже не пытаюсь отбиться. Мне всё равно. Я уже мёртв.

Вспышка красного проносится перед глазами. Дважды моргаю и возвращаюсь в реальность. Лейла остаётся в сидячем положении только потому, что я всё ещё сжимаю её горло. Она мертва. Я убил её. Не смог остановиться вовремя, потому что меня тут даже не было. Я находился в прошлом. Оно до сих пор управляет мной, что бы я ни делал.

Я опасен.

Безумен.

Я чудовище.

Меня нужно изолировать.

Хотя, может, я просто сдохну сейчас, и многим станет лучше. Мне – уж точно.

Однако и валяться тут, дожидаясь конца – это верх глупости. Если меня найдут здесь, моя семья крупно влипнет.

Не могу я так подставить Эда, Эльзу и всех остальных. Надо вставать и уходить отсюда.

Сталкиваю с себя тело Лейлы, поднимаюсь на ноги, пытаюсь вернуть штаны на место. Получается далеко не с первого раза, но всё же мне удаётся натянуть их. Стаскиваю и завязываю использованный презерватив, застёгиваю брюки, сую контрацептив в карман. Когда подбираю нож, меня сильно ведёт в сторону, перед глазами всё плывёт, и я упираюсь рукой в стену. Нехилый такой удар девчонка нанесла. Нужно чем-то зажать рану, замедлить кровотечение. Нахожу в шкафу чистую чёрную футболку, прижимаю к ране и, пошатываясь, покидаю квартиру.

Путь до гостиницы проходит натурально в тумане. Когда я наконец оказываюсь в своём номере, то сразу набираю Роберто. Обработать и зашить рану я смогу сам, а вот антибиотиков у меня с собой нет. Пробежка до больницы или аптеки – непозволительная роскошь в моей ситуации.

Выслушав мою просьбу, Роберто сначала заходитесь благим матом, а затем просто сбрасывает звонок. Видимо, ещё злитесь за погром в ресторане. Имеет право. Ладно. Придётся обойтись без антибиотиков. Обезболивающее есть – и на том спасибо.

Направляюсь в ванную, достаю аптечку, извлекаю из неё антисептик, иглу, нитки и бинты. Закидываю в рот две таблетки. Написано, что нужно подождать пятнадцать-двадцать минут. Нет у меня этих драгоценных минут. Надо зашить

рану и сваливать из страны как можно быстрее. По крайней мере – из гостиницы уж точно. Если Роберто до сих пор так зол, то вполне вероятно, что вся итальянская мафия уже в курсе моих приключений. Зря я ему позвонил. Теперь все Савиано под прицелом.

Дезинфицирую перчатки, рану, иглу и нитку, сцепляю зубы и соединяю края раны. Самое сложное почти позади. Всего-то осталось сделать около пяти-семи стежков.

Когда я заканчиваю, кто-то дважды ударяет в дверь кулаком. Вряд ли пришли по мою душу, иначе просто вскрыли бы замок, бесшумно зашли и пустили мне пулю в голову. Интуиция подсказывает, что Роберто всё-таки соизволил притащить сюда свой зад, и оказывается права.

Он набрасывается на меня с расспросами прямо с порога. А затем, услышав полную версию произошедшего, начинает ржать.

– На, – отсмеявшись произносит он, протягивая мне упаковку.

– Спасибо. Не поделишься, что тебя так рассмешило?

– Только ты мог умудриться прикончить троих наёмников, не получив при этом ни царапины, зато словить нож в грудь от бабы, которая скакала на тебе.

Роберто вновь хохочет, а я лишь пожимаю плечами. Он прав, что тут скажешь. Я крупно облажался. Точнее сказать – опозорился. И прекрасно это понимаю.

Закидываюсь антибиотиками и сажусь в кресло. Хочется

спать, но нельзя. Роберто садится напротив. Сейчас он серьёзен, и мне это не нравится.

— Я обязан доложить Диего, он мой Дон, — говорит Роберто, и я морщусь.

— А я твой брат.

— Троюродный вообще-то.

— Конечно, — усмехаюсь. — Это всё меняет.

Вот неужели нельзя без этого? Знаю же, что он не расскажет Диего. Зато не упустит возможности потрепать мне нервы.

— Тебе нужно в больницу.

— Нельзя.

— У меня теперь своя клиника.

— Когда успел?

— Мы не общались три года, Дерек. Многое произошло за это время.

— И не говори.

— Так ты поедешь в клинику?

— Нет. Мне нужно сесть на самолёт. Поможешь?

Роберто вздыхает, откидывается на спинку кресла, изучающе вглядывается в моё лицо, потом выдает:

— Куда я денусь.

— И не расскажешь никому, что я приезжал? Даже своему Дону?

— Ты мой брат, Дерек.

— Троюродный же.

– Кровь превыше всего.

Глава 9

– Можешь хотя бы сделать вид, что наслаждаешься происходящим? – шипит Лоренцо, подходя ко мне. – Вечер в твою честь, Дерек. Натяни улыбку и возвращайся к гостям.

– Я не просил об этом.

– Конечно. У тебя же язык переломится попросить о чём-то. Неблагодарный говнюк.

Лоренцо тычет пальцами мне в грудь, и я сдавленно мычу. Тело моментально покрывается потом, а в глазах становится темно.

– Ты что, ранен? – доносится сквозь шум в ушах встревоженный голос Лоренцо.

С чего бы ему беспокоиться? Неужели не помнит, сколько ран и синяков он сам оставил на моём теле, сколько костей сломал? Что за показательная забота? Причём с каждым годом эта клоунада всё больше набирает обороты. Неужто чувство вины с годами давит всё больше и больше? Так бывает?

– Разве это имеет значение? – придя в себя, отвечаю вопросом на вопрос. – Я же стою тут, одетый с иголки. Всё, как ты и хотел.

– Хреново выглядишь.

– Спасибо, Лоренцо.

Он долго скользит по мне взглядом, будто рассуждая о чём-то, потом произносит:

– Идём со мной. У меня есть для тебя подарок.

– Вынужден отказаться. Секс пока не входит в мои планы.

– Нет, это не девушка. Идём.

– А как же гости?

– Им и без нас нормально.

И то правда. Лоренцо устроил грандиозный праздник. В мою честь. Самый молодой подручный в истории мафии. Мне всего двадцать восемь, но Лоренцо на это плевать. Я выполнил его задание, остальное – уже детали.

Вернулся я утром. Мечтал проспать сутки, однако кого волнуют мои желания? И вот я стою тут, посреди роскоши, и загибаюсь от раны, полученной весьма позорным способом. Мне бы врачу показаться. Что-то реально хреново. Но вместо этого я вновь пошёл на поводу Лоренцо, а теперь ещё и иду за ним, ненавидя и его, и его долбаный подарок. Не люблю сюрпризы. Не люблю толпу и эти мероприятия. И не люблю быть в центре внимания. А сегодня каждый счёл своим долгом подойти ко мне и поздравить. И сквозь эти фальшивые поздравления я отчётливо слышал шёпот.

Слишком молод.

Да кто он такой?

Он же настоящий псих.

Вы знаете, что он убил Беатрис? Да, да, ту самую.

Вот увидишь, долго не продержится.

А вы вообще в курсе, что он извращенец?

Не понимаю, как этот оборвыш занял такой высокий

пост. Явно запудрил старику мозги.

Говорят, там гены дурные.

Да он же сын шлюхи!

Ненавижу шёпот. Но ничего, я привык. Видимо, это моя фишка – вызывать лишь зависть и раздражение. Однако меня слишком бояться, чтобы высказать всё в лицо.

Мы заходим в кабинет, и Лоренцо жестом велит мне присесть.

– Так что именно случилось в Италии, Дерек? – спрашивает он, видя, что в кресло я опускаюсь отнюдь не резво. – Почему не сказал, что тебя ранили?

– Задача выполнена, остальное неважно. Давай сюда мой подарок.

– Да ты борзеешь, сынок, – Лоренцо усмехается, наливает нам выпить, протягивает мне стакан. – Но мне даже нравится. Знаешь, ты очень на меня похож. В твои годы я был таким же нелюдимым, пробивным, упрямым и наглым. Постоянно нарывался на проблемы.

– Разве с годами что-то изменилось? Ты всё такой же пробивной, упрямый и наглый. Не считаешься ни с кем.

– Неправда. С людьми я ладить научился. Ради собственной выгоды нужно уметь коммуницировать, идти на компромиссы. Тебе тоже не мешало бы освоить этот навык.

Лоренцо садится напротив, салютует мне роксом и опустошает его.

– Прогибаться?

– Дерек, почему ты любое моё слово воспринимаешь в штыки? Что плохого я тебе сделал?

Смотрю на него, не моргая и забыв, как дышать. Он серьёзно сейчас?! Так, по мнению Лоренцо, должно звучать раскаяние?! Опрокидываю в себя алкоголь и продолжаю буравить Лоренцо взглядом. Вот же больной убогодок.

– Ладно, признаю. Я был с тобой слишком строг. Да неужели?! Вот как это называется, да?

– Порой даже жесток, но... – Лоренцо вновь наполняет наши стаканы. – Согласись, тебе это было нужно. Ты был слишком нежным и при этом непослушным ребёнком. Сколько раз ты убегал, помнишь? А как не хотел проходить обучение?

– Какая разница? Ты в итоге всё равно слепил из меня монстра. Дело сделано, так что... – пожимаю плечами ивливаю в себя виски. – К чему этот бессмысленный разговор?

Лоренцо хмыкает, но ничего не отвечает. Какое-то время мы просто сидим в тишине. Мне в принципе всё равно, зачем он позвал меня. В любом случае здесь лучше, чем среди толпы, которая меня ненавидит.

– Я и не надеялся, что ты поймёшь, – произносит Лоренцо спустя довольно продолжительное время. – Больше не буду поднимать эту тему. Видимо, для тебя она всё ещё болезненна, раз ты каждый раз начинаешь дерзить.

– Тогда зачем завёл этот разговор?

– Ты показывался врачу? – меняет он тему и отводит гла-

за.

– Нет.

– Иди к себе и отдыхай. Через полчаса он будет у тебя.

– А как же мой подарок? – усмехаюсь, подаюсь вперёд и наливаю нам выпить. – Ты же за этим меня позвал. Или уже передумал?

– Ты бледный и потеешь, – ускользает Лоренцо от ответа, всё так же смотря в стену. – Рана явно нехорошая, тебе нужно показаться доктору и отдохнуть. Поговорим завтра.

– Чёрта с два, Лоренцо. Я выполнил твоё задание, словил нож в грудь, сутки не спал, в одночасье стал подручным, несколько часов принимал фальшивые поздравления, улыбаясь как баран, и теперь мне чертовски интересно, чем ещё ты меня удивишь. Так что говори, я внимательно слушаю, – выпаливаю почти на одном дыхании, опустошаю рокс и плещу туда ещё. Надеюсь, поможет слегка приглушить боль. Таблетки нихера не спасают.

Лоренцо поднимается с места, подходит к сейфу, достаёт тонкую папку, возвращается и протягивает её мне.

– Открой. И отреагируй адекватно.

– Это как?

– Простого «спасибо» мне вполне хватит.

Раскрываю её. Там завешание. И в нём явно какая-то ошибка, иначе быть не может. С какой такой радости мы с Эдрианом оба фигурируем здесь? И не просто фигурируем, а оба являемся полноценными наследниками. Всё имущество

и состояние Лоренцо в случае его смерти мы разделим поровну.

– Не объяснишь? – поднимаю на Лоренцо глаза и жду, чем сильно раздражаю его.

– Что именно? – рывкает он. – Почему ты просто не можешь поблагодарить меня? Что опять не так, Дерек? Чем ты на этот раз недоволен?

– Эд знает, что ты хочешь отдать мне половину его наследства?

– Зачем ему знать об этом? Это моё решение, оно не подлежит обсуждению. И уж точно я не должен ни перед кем отчитываться. И вообще: я пока ещё жив и умирать не собираюсь.

– А я уж подумал, ты смертельно болен и решил таким образом замолить свои грехи, – вижу, что Лоренцо готов вспылить, и быстро добавляю: – Спасибо, Лоренцо. Я польщён.

– Неужели я наконец смог тебе угодить? – он усмехается. – Всего несколько десятков миллиардов, доля в общем бизнесе и около двадцати зданий? Это твоя цена?

– Нет, Лоренцо, дело не в этом.

– Тогда в чём?

В его взгляде, интонации и жестах читаются неподдельный интерес, смятение и взволнованность. Да, я давно понял, что все эти подачки, подарки и особое отношение – не что иное, как способ попросить прощения. За то, что чуть не забил меня до смерти. За то, что превратил моё обучение

в ад. За то, что убил Бакки. И за многое, многое другое.

Искренне ли раскаивается Лоренцо? Не знаю. Но абсолютно уверен в том, что ему важно, чтобы я обожал его, смотрел ему в рот и восхищался им. Слишком поздно он понял, что силой хорошего отношения не добьёшься. Нельзя заставить других любить и уважать тебя. Бояться, презирать, ненавидеть, пресмыкаться – вполне. Но любовь и уважение нужно заслужить.

Начиная с того момента, как я привёл Бакки, Лоренцо делал всё, чтобы я его возненавидел. Тогда мне было шесть. Кромешный ад закончился в пятнадцать, но в рай я так и не попал. Однако многое изменилось после того, как я чудом выжил. Восстановление было адовым. Тогда я решил, что никогда и никому больше не позволю избивать меня. Особенно ему. Я начал тренироваться в несколько раз усерднее. Сам, а не из-под палки. Стал послушным, наступив на свою гордость, и выслуживался перед Лоренцо так, как только мог.

Он был рад, видя мои старания. Чем больше я под него прогибался, тем лояльнее он становился. Ему казалось, что я наконец стал его ручным зверьком. А я просто играл роль послушного солдата, готового ради Лоренцо на всё. Он стал поощрять меня. Шлюхи, деньги, тачки – всё это появилось в моей жизни, когда мне стукнуло шестнадцать. Тогда же Лоренцо стал отправлять меня на задания одного. Убивать незаметно, исподтишка. Я справлялся, и он стал ещё более

щедрым.

После посвящения и по сей день я купаюсь в его благо-склонности. Он никого так не ценит, ни над кем так не тря-сётся, никого так не уважает. Даже Эдриана, своего сына и приемника. Всех это бесит. Конечно. Мальчишка-оборва-нец, которого Босс ни во что не ставил, вдруг стал любим-чиком. Все в недоумении, как это возможно. А я знаю при-чину. Если бы я не прогнулся под него, то был бы мёртв.

Но есть и ещё кое-что: если бы я тогда не оказался одной ногой в могиле, глаза Лоренцо так и не открылись бы. Он бы не изменил своего отношения ко мне, даже если бы я решил стать послушным по доброй воле. Лишь страх потерять свою любимую игрушку, своего раба заставил Лоренцо одуматься.

И он давно хочет попросить прощения. Я знаю. Но Ло-ренцо никогда не скажет мне этих слов, никогда не встанет на колени передо мной. Он так и будет продолжать покупать мою верность. Ведь откупиться гораздо проще, чем раска-яться и признать, что был неправ.

Конечно, есть большая вероятность, что я ошибаюсь, и Лоренцо не чувствует вины. В любом случае мне насрать. Я никогда его не прощу. Но он мой Босс, и я и дальше буду вы-полнять свои обязанности так хорошо, как только возможно. Ничего личного.

– Давай закроем тему, ты не против? – поднимаю свой рокс и подмигиваю Лоренцо. – Как насчёт того, чтобы просто надраться?

– Тебе нужно показаться врачу.

– А какая ему разница, буду я трезв или пьян? Ты же постоянно ворчишь, что я не пью с тобой. Ну вот, пожалуйста. Сейчас я весь в твоём распоряжении. Давай отметим моё назначение. И я правда благодарен тебе, что внёс меня в завещание. Уж не знаю, чем я удостоился такой чести, но спасибо тебе, Лоренцо. Ты лучший Босс, какой только может быть. Моя жизнь в твоих руках. Так всегда было и будет.

– Дерек, ты меня удивляешь.

– Стараюсь. За это ты меня и ценишь, верно?

И когда мне кажется, что он уже не ответит, Лоренцо еле слышно произносит:

– Да. Именно за это.

Глава 10

Провожу рукой по поверхности стола, и безумная улыбка поселяется на губах. Но мне отнюдь не весело. Я не понимаю, что со мной. Вроде должен радоваться, вздохнуть наконец с облегчением, однако ощущаю я совсем другое.

Горечь. Стыд. Тоску. Обиду. Злость. Вину. Ярость. Пустоту.

Но никак не облегчение.

Голова свинцовая. Телефон разрывается звонками, я отключаю его и отшвыриваю в сторону. Сегодня меня ни для кого нет. Меня сейчас вообще словно не существует. В настоящем уж точно.

Перед глазами мелькают картинки прошлого. Хорошие и плохие. Плохих намного больше, но... Чёрт, я что, плачу? Наверное, у меня недержание. Не нужно было столько пить. Хотелось просто выключить эмоции и вообще отключиться, но не получилось. Я влил в себя столько алкоголя, однако всё, чего удалось добиться – это ещё большей дыры внутри. С чего бы? Сегодня же праздник.

Ублюдок сдох.

Он больше не сможет издеваться надо мной. Никогда. Мне больше не нужно делить с ним один воздух на двоих. Не нужно выполнять его приказы. Ошейника больше нет. Поводок оборван. Я свободен. Отныне я не раб Лоренцо.

Мучился ли он перед смертью? И почему меня это волнует?

Мог ли я предотвратить это? А если бы мог, предотвратил бы? Или, если бы знал наверняка, отошёл бы в сторону и позволил ему словить эти пули?

Думать трудно. Двигаться тоже. Впервые за долгое время я напился так, что сам дойти до комнаты явно не смогу. Но и спать в кресле мертвеца я не горю желанием. Зачем я вообще зашёл в кабинет?

Фотография на рабочем столе вызывает неконтролируемый хохот. Моя фотография. Какого хрена она вообще здесь стоит? Нет ни фотографий Эда, ни самого Лоренцо, ни его жены, ни кого-либо ещё. Только моё фото в полный рост, сделанное в день посвящения в семью.

Грудную клетку сжимает, в горле образуется ком, а сквозь иссушенные губы прорывается жалкий всхлип.

Я ничего не чувствую. Ничего не чувствую. Ничего. Я не тоскую по нему, мне его не жаль. Мне не больно. Не больно.

Но правда в том, что я просто не хочу ничего чувствовать, но при этом ощущаю так много. Больше всего – вину и жгучий стыд.

Они давят на меня, не позволяя ясно оценить картину. Я виноват в их смерти, да, это так. Лоренцо, его жена, родители Эльзы и пятнадцать ребят погибли, потому что я не проверил маршрут. Я не уберёг их, и это правда моя вина.

Я с парнями должен был поехать вперёд и прошерстить

каждый куст, столб, дерево и камень, но я задержался, потому что увидел возможность. Наклёвывалось крупное дело, и Лоренцо велел мне остаться в городе. Я отправил своих людей проверить всё, но Лоренцо не стал ждать их возвращения. Хотя он бы не дождался в любом случае, потому что они тоже мертвы. А я узнал обо всём самым последним, потому что был на встрече и увёл телефон в авиа-режим.

Сделку я в итоге заключил, обеспечил семье стабильную долгосрочную прибыль, но свою основную работу я выполнил хреново. Я подручный, и моя главная обязанность – защищать своего Босса. Я облажался. Крупно облажался, и теперь они все мертвы.

Да, можно уповать на то, что я не мог знать о засаде. Но ведь я знал, что очередное покушение на Лоренцо не просто возможно, а лишь вопрос времени.

Да, можно сказать, что я не знал наверняка, когда и где оно состоится. Но, учитывая ситуацию повышенной опасности, нужно было забить на сделку и первым проехать по маршруту.

Разногласия с итальянцами и сицилийцами не прошли бесследно. Всё началось с покушений на Эда и убийства Генри, а последние полгода кровь и вовсе льётся рекой. наших людей расстреливают, сжигают, взрывают в машинах, некоторых похищают, а потом присылают по частям. Хотя не только наши люди гибнут. Все пять Нью-Йоркских семей под прицелом.

Лоренцо и остальные попали в засаду. Их расстреляли, а затем подожгли машины. Никто не выжил. Остались только обгорелые трупы. А ведь я мог предотвратить всё это.

На мероприятии мне кинули подсказку. Я не знаю, кто прислал сообщение, надёжен ли источник, и что это вообще значит. Нельзя даже утверждать, что за нападениями стоят итальянцы и сицилийцы. Улик они не оставляют, промежутки между нападениями разные, предпосылок никаких. Но сегодня мне сбросили сообщение с одноразового номера. Фото Лоренцо и подпись «Надеюсь, ты сделаешь правильный выбор».

Однако я ничего не сделал. Остался в городе, потому что Лоренцо попросил. Да, я отправил ребят проверить всё. Но я никому не сказал о том, что получил сообщение. Лоренцо не ожидал подвоха, поэтому не стал дожидаться их возвращения или бить тревогу. Он самонадеянный, и ему приспичило срочно вернуться в особняк. Он, его жена, родители Эльзы, ребята – все мертвы, потому что втайне я всегда желал ублюдку смерти. Я не убивал сам, просто ничего не сделал, чтобы это предотвратить, хотя мог.

Когда часто общаешься со смертью, начинаешь ощущать её приближение. И сегодня я чувствовал её присутствие. Знал, что кто-то обязательно умрёт.

Все в курсе, что я виню себя. Многие со мной солидарны. Они считают, что Лоренцо сдох из-за моей оплошности. И они правы.

Провожу ладонью по лицу, стирая с него солёную влагу. Какого чёрта они всё ещё льются? И какого дьявола я до сих пор сижу тут? Я ведь ненавидел Лоренцо, так почему настолько хреново сейчас? Будто оторвали часть меня.

Смотрю на ключ от банковской ячейки, который мне анонимно прислали несколько часов назад. Мог ли Лоренцо попросить кого-то сделать это в случае своей смерти? В ячейке спрятано очередное издевательство? Грязная тайна? Ублюдок решил и после смерти измываться надо мной? Или там что-то действительно важное? Но почему Лоренцо не показал мне это, пока был жив? Или ключ отправил тот, кто причастен к смерти Лоренцо? Или это простое совпадение, и отправитель никоим образом не связан со случившимся? Хватит ли у меня духа поехать туда и взглянуть страху в лицо?

Перевожу взгляд на фотографию, и внутри разрастается злость. Хватаю фоторамку со стола и швыряю в стену.

– Да пошёл ты! – ору, еле ворочая языком. – Пошёл ты, слышишь?! Мать твою, Лоренцо, пошёл ты к дьяволу! Ублюдок!

С трудом поднимаюсь на ноги, прячу ключ в карман, а потом начинаю сметать всё, что подворачивается под руку. Меня дерёт на части, но я не могу понять причину. Просто хреново. Сдохнуть хочется. Орать, крушить всё вокруг и забиться. Я уже надрался так, что на ногах еле стою, но мне мало. Однако барную полку я уже разнёс.

Кто-то скручивает меня и придавливает к стене. Пытаюсь

оттолкнуть его, но я настолько пьян, что шансов никаких.

– Хватит, Дерек, – произносит Альберто, усиливая хватку. – Успокойся. Перестань, – он встряхивает меня за плечи, разворачивает и цедит в лицо: – Возьми себя в руки. Завтра голосование.

– Нахера?

– Соберись, твою мать! – Альберто отвешивает мне оплеуху. – Лоренцо хотел сделать тебя приемником. Ты встанешь во главе Савиано. Это его последняя воля.

– Эд приемник Лоренцо. Законный наследник. Он и станет Боссом.

– Ты не слышишь меня? Лоренцо хотел видеть следующим Боссом тебя. Он должен был поговорить с тобой завтра.

– Но не успел, – отталкиваю Альберто и сверлю его глазами. – Ублюдок мёртв.

– Да как ты смеешь?! Он же твой... Босс.

– Он был моим Боссом. Сейчас он просто обгорелый скелет, и срать я хотел на его желания. В гробу я видел должность Босса и тебя заодно. Понял?

– Спишу на то, что ты пьян. Идём, тебе надо проспаться.

Альберто хочет увести меня из кабинета, но я вырываюсь из его рук и ору:

– Да отвали ты от меня! Пошёл на хрен со своей заботой! Где ты был, когда он избивал меня? Где?! А я скажу, где. Ты стоял и смотрел. Каждый, сука, раз. Ты смотрел, как он измывается надо мной, и ничего не делал. Ты позволял ему.

Всегда. Горите в аду вы оба, — дёргаюсь в сторону, видя, что Альберто снова тянет ко мне руки, но теряю равновесие, и он едва успевает меня подхватить. — Не трогай. Пусти, кому сказал.

— Ну всё, хватит. Не вынуждай меня применять силу.

Хочется врезать ему, но вместо этого я обмякаю в его руках и отпускаю себя. Они катятся. Лютуют градом. Остановить их я не могу. Чёртовы слёзы. Последний раз я плакал, будучи совсем мальчишкой. И вот мне тридцать, а я реву словно девчонка. Хорошо, что хотя бы молча. Кричать больше не хочется. Крушить всё и драться — тоже. Если бы я был нормальным, то просто забылся бы сном. Но я безумен, и каждую ночь провожу в своих персональных кошмарах. От себя не уйти. Не спрятаться. Не убежать. Выход только один — смерть. Но хочу ли я умереть? Наверное нет, раз я ещё жив.

Альберто заводит меня в комнату, раздевает, укладывает на кровать и садится рядом. Он не произносит ни слова, но я и так понимаю, насколько жалко сейчас выгляжу.

— Не говори никому, — шепчу, прикрыв глаза. Веки слишком тяжёлые, чтобы держать их открытыми.

— Это между нами, Дерек. Даю слово. Камеры были выключены, свидетелей нет.

— Я не стану Боссом. Никогда не стану таким, как *он*.

— Все проголосуют за тебя.

— Нет, — смотрю на Альберто в упор, игнорируя резь в глазах. — Это убьёт Эда.

– Плевать на Эда, Дерек. Семья – вот что главное. Ты должен стать Боссом Савиано. Это последняя воля Лоренцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.